

УЧЕБНИКИ
И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

**ПОЛНЫЙ КУРС
УГОЛОВНОГО
ПРАВА**

Том III

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Учебники и учебные пособия (Юридический Центр Пресс)

Коллектив авторов

**Полный курс уголовного
права. Том III. Преступления
в сфере экономики**

«Юридический центр»

2008

ББК 67.408

Коллектив авторов

Полный курс уголовного права. Том III. Преступления в сфере экономики / Коллектив авторов — «Юридический центр», 2008 — (Учебники и учебные пособия (Юридический Центр Пресс))

ISBN 978-5-94201-542-8

Курс подготовлен известными российскими учеными в области уголовного права. В III томе рассматриваются понятие и виды преступлений в сфере экономики и экономической преступности, анализируются особенности их квалификации, исследуются приемы и способы отграничения от смежных составов. Для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов, работников правоохранительных органов и судов.

ББК 67.408

ISBN 978-5-94201-542-8

© Коллектив авторов, 2008
© Юридический центр, 2008

Содержание

Глава I	6
§ 1. Понятие преступлений в сфере экономики и экономической преступности	6
§ 2. Система и виды преступлений в сфере экономики	13
Глава II	18
§ 1. История уголовного законодательства России об ответственности за преступления против собственности	18
§ 2. Общая характеристика, система и виды преступлений против собственности	26
§ 3. Понятие и признаки хищения	37
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Полный курс уголовного права. Том III. Преступления в сфере экономики

© Коллектив авторов, 2008

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008

* * *

Глава I

Понятие, система и виды преступлений в сфере экономики

§ 1. Понятие преступлений в сфере экономики и экономической преступности

Рыночная экономика невозможна без хорошо продуманной и отлаженной правовой системы. Рассчитанная на саморегулирование, она предполагает установление таких правил поведения, которые должны характеризоваться особой четкостью, предельной определенностью прав и обязанностей, результативностью мер стимулирования и ответственности.

Среди основных прав и свобод Конституцией Российской Федерации закреплены права каждого свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34).

В юридической науке проблема прав человека и гражданина как элемента конституционного статуса личности еще не проанализирована должным образом. Предпринимательство, бизнес традиционно ассоциируются с капиталистической (буржуазной) экономикой и соответствующим типом общественных отношений. Пункт 1 ч. 3 ст. 2 ГК РФ содержит норму, согласно которой «предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой страх и риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицам, зарегистрированным в этом качестве в установленном законом порядке».

В литературе высказано справедливое суждение о том, что право частной собственности является системообразующим по отношению к праву на предпринимательскую деятельность и смежным с ним правом (Л. Д. Воеводин).

Право собственности можно определить как гарантированную государством власть собственника над вещью или иными материальными и нематериальными благами, ограниченную законом в интересах общества в целом и конкретного индивида в частности¹. Конституционное право частной собственности (ч. 2 ст. 35 Конституции РФ) следует понимать как неотъемлемое право личности. Очевидно, что в экономике абсолютной свободы предпринимателей не существует. Большинство практически значимых видов деятельности осуществляется предпринимателями не произвольно, а на основании лицензии, что законодательно определяет требования к качеству предпринимательской деятельности.

Понятие предпринимательской деятельности включает две группы признаков. В первую группу входят общие признаки предпринимательства: самостоятельность, систематическое получение прибыли, предпринимательский риск.

Вторую группу составляют специальные признаки, присущие предпринимательской деятельности, протекающей в рамках гражданских отношений (осуществляется лицом, официально зарегистрированным в качестве лица, занимающегося предпринимательской деятельностью; соответствие нормативно установленным признакам и условиям регистрации). Если такие признаки присутствуют, то следует употреблять термин «законная предпринимательская

¹ См.: Гребенников В. В. Роль института собственности в становлении гражданского общества в России. Автореф. дис.... докт. юрид. наук. Саратов, 1996. С. 13.

деятельность», а если отсутствуют – то речь идет о «незаконной предпринимательской деятельности»².

Таким образом, предпринимательство как социально-экономическое явление неразрывно связано с трудовым фактором.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., как и все действовавшие в советский период кодексы, имел самостоятельную главу «Хозяйственные преступления». В условиях перехода к рыночной многоукладной экономике устарело даже само название «хозяйственные преступления». Вряд ли удачно и наименование «преступления в сфере предпринимательства» (Н. Ф. Кузнецова).

В Уголовном кодексе РФ 1996 г. все рассматриваемые преступления объединены в разделе VIII «Преступления в сфере экономики».

В работах 20-х годов под экономическими преступлениями понимались такие деяния, которые могут отразиться на общем хозяйственном состоянии страны путем нарушения как интересов государства, так и интересов трудящихся, поскольку они соприкасаются с хозяйственной деятельностью учреждений и частных лиц.

В действующем российском уголовном законодательстве не дается понятия «экономические преступления». На наш взгляд, границы этого понятия очень трудно определить строго в уголовно-правовом смысле, поскольку оно в известной мере всегда будет условным. В научной литературе сформировались три основных взгляда на категорию экономических преступлений – в широком, в узком и в среднем между ними смысле.

Определяя понятие «экономические преступления» в *широком* смысле, в эту категорию включают как преступления против собственности, так и хозяйственные и корыстные должностные преступления. Справедливости ради следует отметить, что столь широкий взгляд на экономические преступления базировался на уголовном законодательстве России советского периода.

Наиболее известным автором, придерживающимся мнения о понятии экономических преступлений в *узком* смысле, является шведский ученый Бу Свенссон, который определил их как преступные деяния, возникающие на основе систематически осуществляемой легальной хозяйственной деятельности. Субъектами этой деятельности он считал предпринимателей, их заместителей или агентов³.

Сторонники понятия экономических преступлений в *среднем* (между широким и узким вариантами его трактовки) смысле определяют эту категорию исходя из того, что *экономические преступления посягают на экономику, права, свободы, потребности участников экономических отношений, нарушают нормальное функционирование экономического механизма, причиняют этим социальным ценностям и благам (как правило) ущерб*⁴.

В приведенном понятии, по нашему мнению, отражена суть экономического преступления. Следует лишь уточнить определение, чтобы оно могло органично вписаться в систему современного уголовного права и соответствовать современному этапу экономического развития страны. На наш взгляд, в период продвижения к рыночной экономике и возврата ее многоукладности на одном полюсе должны находиться интересы не только государства (в недалеком прошлом фактически единоличного субъекта социалистической экономики), но и любого иного субъекта, занимающегося хозяйственной деятельностью. Учитывая, что ущерб народ-

² См.: Карпович О. Г. Уголовно-правовая охрана предпринимательской деятельности в России и странах Европы. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003. С. 11–12.

³ См.: Свенссон Бу. Экономическая преступность. М., 1987.

⁴ См.: Медведев А. М. Экономические преступления: понятие и система // Советское государство и право. 1992. № 1. С. 81; Артемьев А. М., Потехина О. А., Яковенко Е. Г. Криминализация экономической деятельности. М., 2006. С. 258–259; Ярыгин В. Г. Экономическая преступность: теоретико-прикладные аспекты. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 24–25.

ному хозяйству может быть причинен совершением не только хозяйственных, но и иных преступлений, не имеющих никакого отношения к хозяйственным, необходимо специально подчеркнуть, что «рассматриваемые преступления причиняют вред интересам народного хозяйства в области его ведения и организации». Общественная опасность экономических преступлений определяется тем, что они вносят дезорганизацию в экономическую жизнь *страны*, создают возможность для обогащения одних за счет других.

Таким образом, употребляя термин «экономические преступления» (или «преступления в сфере экономики»), мы относим к ним, вслед за УК РФ, все посягательства на собственность, налоговые, валютные, предпринимательские, таможенные преступления. Вместе с тем должностные преступления в эту категорию не включаются. В зависимости от объекта преступного посягательства и нарушенного экономического интереса можно следующим образом классифицировать экономические преступления:

- преступления против собственности как основа жизнедеятельности человека и предпринимательской деятельности;
- преступления, совершенные путем воспрепятствования законной предпринимательской деятельности и деятельности иных субъектов экономических отношений;
- преступления, нарушающие экономический интерес государства и общества;
- преступления, причиняющие ущерб коммерческим и иным организациям со стороны их работников⁵.

Как справедливо отмечает Б. В. Волженкин, экономическая деятельность в обществе не сводится только к предпринимательству. Стало быть, преступления данной категории посягают на охраняемую государством систему общественных отношений, складывающихся в сфере экономической деятельности рыночного общества в целом. Эти преступления нарушают интересы государства и иных субъектов экономической деятельности, а также интересы граждан, связанных с экономической деятельностью государства, и иных субъектов предпринимательства⁶.

Понятие «экономическое преступление», введенное в УК РФ 1996 г., пока не нашло достаточно полного отражения в юридической литературе, и этот вопрос, как и вопрос о соотношении категорий «экономическое преступление» и «экономическая преступность», еще ждет своего решения.

Между тем категории «экономическое преступление» и «экономическая преступность» хотя и взаимосвязаны, но принципиально различаются между собой и соотносятся как особенное и отдельное, целое и его часть.

Экономическая преступность – устойчивое явление, трудно поддающееся предупредительно-профилактическому воздействию, поскольку внутренняя криминогенная зараженность участников преступного сообщества постоянно подогревается их взаимовлиянием, а самовольный отход кого-либо из них от преступной среды нередко карается жесткими мерами воздействия (М. Н. Петрик). Преступные организации образуются на длительный срок. Преступная деятельность по решению организаторов на отдельных этапах может «замораживаться», а затем вновь возобновляться.

Следует подчеркнуть, что экономическая преступность возникла не в так называемый «застойный» период, как считают некоторые исследователи (просто ее в этот период никто не изучал). «Теневой рынок» экономики существовал как форма связи производителей между собой и потребителем. Он возник объективно как необходимая сторона базиса общества, его производственных отношений.

⁵ См.: Савкина М. А. Уголовно-правовая охрана экономических интересов. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 18.

⁶ См.: Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 4: Преступления в сфере экономики. Владивосток, 2000. С. 167–183.

В литературе экономическая преступность как объективное социальное явление одними авторами характеризуется следующими признаками:

- выраженные организационно-управленческие структуры, строгая иерархия самих групп, наличие единых для их членов норм поведения и ответственности, система санкций и поощрений, их практическая реализация;
- устойчивый, планируемый, законспирированный характер преступной деятельности, особенно хищений, подкупа должностных лиц и крупных краж, наличие общих целей, ориентация на извлечение максимально высоких доходов при минимальном риске;
- система планомерной нейтрализации всех форм социального контроля с использованием разведки и контрразведки (так называемые службы безопасности), выведывание планов органов, ведущих борьбу с преступностью, целенаправленная разработка мер противодействия (подкуп сотрудников правоохранительных органов, внедрение в государственный аппарат);
- наличие значительных денежных фондов, инвестируемых в различные сферы преступной деятельности;
- расширение сферы деятельности – кооперация организованных преступных группировок в различных отраслях народного хозяйства; внедрение на «черный рынок» товаров и услуг;
- монополизация сфер преступной и иной асоциальной деятельности;
- создание и стабилизация необходимых условий, способствующих дефициту в экономике;
- использование легальных путей для отмывания преступно добытых средств;
- отвлечение сил общества на решение второстепенных (по отношению к экономической преступности) проблем⁷.

Другие авторы предлагают иную классификацию признаков («элементов») экономической преступности. Так, например, Н. Г. Иванов называет такие характерные признаки:

- организационно-управленческая структура;
- устойчивый, планируемый, законспирированный характер деятельности, который присущ в той или иной степени всем групповым образованиям;
- нейтрализация социального контроля посредством, например, подкупа чиновников;
- наличие денежных сумм для оплаты услуг;
- наличие в группе должностных лиц (чиновников) и недолжностных лиц;
- экономическая деятельность с использованием трудностей экономики, переживаемых государством;
- распространение своего влияния на определенной территории;
- заранее планируемое преступное поведение.

Все эти признаки в той или иной степени, но одинаковым образом присущи названным групповым образованиям, в том числе и в сфере экономики⁸.

Экономическая преступность составляет совокупность всех экономических преступлений, совершенных за определенный период на определенной территории (в целом по России). Преступность в сфере экономики на 95 % состоит из преступлений против собственности. На фоне значительных структурных колебаний в этой части экономической преступности за десять последних лет произошло общее увеличение преступлений, отнесенных законодателем к разделу VIII УК РФ. Так, в 1997 г. зарегистрировано 1 487 174 таких преступления, в 1998 г. – 1 627 754, в 1999 г. – 1 965 876, в 2000 г. – 1 899 843, в 2001 г. – 1 896 822, в 2002 г. – 1 525 463, в 2003 г. – 1 773 168, в 2004 г. – 1 955 716, в 2005 г. – 2 459 564, в 2006 г. – 2 647 938

⁷ См.: Дальний Восток: хроника организованной преступности – 2. (Обзор прессы 1997–2005 гг.) Владивосток, 2006. С. 6–210; Досюкова Т. В. Организованная преступность в сфере экономической деятельности: проблемы квалификации. Саратов, 2003. С. 5–22.

⁸ См.: Иванов Н. Г. Групповая преступность: содержание и вопросы законодательного регулирования // Государство и право. 1996. № 9. С. 69.

преступлений. Как видим, при относительном спаде преступности в сфере экономики в 2002–2003 гг. ее пик пришелся на 2006 г. и, по сравнению с 1997 г., составил прирост 78 %.

Преступность против собственности характеризуется скачкообразным ростом: в 1997 г. зарегистрировано 85,8 % таких преступлений от общего числа всех преступлений в сфере экономики, в 1998 г. – 94,6, в 1999 г. – 93,8, в 2000 г. – 91,1, в 2001 г. – 91,0, в 2002 г. – 90,2, в 2003 г. – 92,8, в 2004 г. – 96,7, в 2005 г. – 96,2, в 2006 г. – 95,7 %. Неудивительно, что именно данные преступления занимают доминирующее положение в исследуемом сегменте. Что касается внутренней структуры преступлений против собственности, то здесь превалируют кражи, причем с опережающим (по сравнению с другими преступлениями этой группы) ростом: если в 2002 г. было зарегистрировано 926 808 краж, то в 2006 г. – уже 1 676 983. За ними по степени распространенности следуют грабежи: в 2002 г. их зарегистрировано 167 267, в 2005 г. – 344 440, в 2006 г. – 357 302. Достаточно часто в поле зрения органов уголовной юстиции попадает мошенничество: в 2002 г. зафиксировано 69 346 преступлений, в 2005 г. – 179 553, в 2006 г. – 225 326. В среднем по 60 тыс. в год совершается таких преступлений против собственности, как присвоение и растрата (ст. 160 УК), разбой (ст. 162 УК), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК), умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК).

Не лучше обстоят дела с преступностью в сфере экономической деятельности. И хотя в абсолютных цифрах эти деяния явно уступают преступлениям против собственности, в относительных показателях их количество с 1997 по 2002 г. практически удвоилось (с 4,1 до 9,3 %). Однако к 2006 г. удельный вес преступлений в сфере экономической деятельности в общей структуре экономической преступности вновь сократился и достиг 4,04 %. Динамика этой категории преступлений характеризуется следующими данными: в 2002 г. зарегистрировано 142 947 таких преступлений, в 2003 г. – 120 369, в 2004 г. – 58 759, в 2005 г. – 86 322, в 2006 г. – 107 089 преступлений.

Преступность против интересов службы в коммерческих и иных организациях невелика (от 0,1 до 0,5 % от общего числа преступлений в сфере экономики). Достаточно сказать, что уголовной статистикой такого рода преступлений зафиксировано в 2002 г. – 7033, в 2003 г. – 6108, в 2004 г. – 5308, в 2005 г. – 5817, в 2006 г. – 4989. Львиную долю преступлений этой категории составляют злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК): их регистрируется в среднем в год от 3 до 4 тыс., а также коммерческий подкуп (ст. 204 УК) – около 2 тыс. ежегодно⁹.

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что с ростом экономической преступности увеличилась и организованная преступность. Так, прирост экономической организованной преступности в среднем за исследуемый период составил 7 %. По данным статистики, число зарегистрированных преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами, за последние семь лет увеличилось в 8,5 раза.

Одним из показателей эффективности деятельности правоохранительных органов является раскрываемость преступлений – показатель, который в мире в среднем составляет 50 %. В России за последние семь лет в среднем он был равен 73,2, в 2000 г. – 75,6 %. Что касается раскрываемости преступлений в сфере экономической деятельности, то средний показатель за четыре года (1997–2000 гг.) составил 91,8, в 2000 г. – 93,7 %, а раскрываемость преступлений по линии милиции общественной безопасности составила 99,2 %¹⁰.

⁹ См.: Преступность в сфере экономики (во определениях и схемах). Н. Новгород, 2004. С. 5; Преступность, криминология, криминологическая защита. М., 2007. С. 341–347; Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации. Криминологический и уголовно-правовой справочник. М., 2007. С. 284–301.

¹⁰ См.: *Линкевич Т. В.* Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью. М., 2003. С. 45, 48.

Такие показатели раскрываемости настораживают, так как зачастую свидетельствуют, во-первых, о выборочной регистрации преступлений, во-вторых, о недобросовестности сотрудников правоохранительных органов.

Генетически современные нормы о хозяйственных преступлениях связаны скорее с нормами об имущественных преступлениях, чем с нормами о преступлениях против порядка управления. Опасность данных преступлений состоит не в том, что они нарушают правопорядок в сфере экономики или какие-либо абстрактные принципы, а в том, что они поражают экономику страны как таковую, ее кредитную систему, рынок инвестиций, потребительский рынок, систему свободной и истинной конкуренции, финансы, отношения в сфере государственного управления экономикой¹¹.

Экономическая преступность – это противоправная деятельность, посягающая на интересы экономики в целом, а также на предпринимательскую деятельность и интересы отдельных групп граждан, постоянно и систематически осуществляемая с целью извлечения наживы в рамках и под прикрытием законной экономической деятельности.

Соответственно экономическая преступность представляет ту часть «теневой» экономики, которая запрещена уголовным законом. Тем не менее она не охватывает всей «теневой» экономики, противоправное поле деятельности которой значительно шире. Криминологи и практические работники выделяют преступления экономической направленности. К ним относят практически весь спектр должностных преступлений; преступления, связанные с оборотом наркотиков и оружия; некоторые другие корыстные преступления (например, заказные убийства и т. п.). Таким образом, экономическая преступность, с точки зрения «правового измерения», – это явление, очерченное в терминах уголовного закона. В то же время «теневая» экономика включает в себя конгломерат не только преступных проявлений, но и совокупность таких посягательств, которые в силу ряда причин еще только нуждаются в их криминализации.

Большинство преступлений, совершаемых в экономической сфере, являются хорошо подготовленными и организованными. Однако очевидно, что не все они связаны с организованной преступностью. Одна часть таких преступлений совершается отдельными преступниками, другие экономические преступления могут быть подготовлены и совершены группами лиц, которые могут и не иметь никакой связи с преступными сообществами.

Таким образом, «теневая» экономика, экономическая и организованная преступность – тесно связанные между собой понятия, совпадающие по многим элементам, но, тем не менее, не являющиеся взаимно поглощающими¹².

При всех различиях характеристик преступления в сфере экономики имеют определенные общие признаки. Все они так или иначе посягают на экономические отношения, страдающие еще «полурыночностью», издержками, недостатками и противоречиями.

Анализ экономической преступности на протяжении многих лет свидетельствует о высокой системности данного социально-правового явления, т. е. тенденции одних экономических посягательств взаимосвязаны и взаимообусловлены изменениями других (например, дача и получение взяток могут быть взаимообусловлены хищениями; должностной подлог – хищениями и т. п.).

Развитие глобальной финансовой системы, и в особенности оффшорной банковской системы, создало огромные возможности для перевода денежных средств. По оценкам специалистов Министерства экономики России, в оффшорных зонах создано 60 тыс. предприятий с российским участием.

¹¹ Клепичский И. А. Система нормохозяйственных преступлений: основные тенденции развития. Автореф. ... дис. докт. юрид. наук. М., 2006. С. 13; Устинова Т. Д. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность. М., 2005. С. 13–19.

¹² См.: Репецкая А. Л. Организованная преступность в сфере экономики и финансов и проблемы борьбы с ней. Иркутск, 2000. С. 63.

Целью обеспечения криминогенной безопасности экономических процессов является ограждение российских предпринимательских и государственных структур от негативных проявлений деятельности криминального капитала, обращающегося в российской экономике и наносящего ущерб интересам как российских предприятий, так и регионам и российскому государству в целом.

§ 2. Система и виды преступлений в сфере экономики

Раздел о преступлениях в сфере экономики – самый большой в новом УК РФ. В нем все преступления разбиты на три группы.

В *первую группу* включены преступления против собственности (гл. 21 УК). В ней объединены 11 статей: Кража (ст. 158); Мошенничество (ст. 159); Присвоение или растрата (ст. 160); Грабеж (ст. 161); Разбой (ст. 162); Вымогательство (ст. 163); Хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164); Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165); Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166); Умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167); Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168).

Ко *второй группе* относятся преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК). В нее входят 35 статей: Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169); Регистрация незаконных сделок с землей (ст. 170); Незаконное предпринимательство (ст. 171); Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции (ст. 171¹ УК); Незаконная банковская деятельность (ст. 172); Лжепредпринимательство (ст. 173); Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174); Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174¹); Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175); Незаконное получение кредита (ст. 176); Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177); Недопущение, ограничение или устранение конкуренции (ст. 178); Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179); Незаконное использование товарного знака (ст. 180); Нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм (ст. 181); Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183); Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 184); Злоупотребление при эмиссии ценных бумаг (ст. 185); Злостное уклонение от предоставления инвестору или контролирующему органу информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах (ст. 185¹); Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186); Изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов (ст. 187); Контрабанда (ст. 188); Незаконные экспорт или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники (ст. 189); Невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран (ст. 190); Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191); Нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней (ст. 192); Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193); Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194); Неправомерные действия при банкротстве (ст. 195); Преднамеренное банкротство (ст. 196); Фиктивное банкротство (ст. 197); Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица (ст. 198); Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации (ст. 199); Неисполнение обязанностей налогового агента (ст. 199¹); Сокры-

тие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов (ст. 199²).

Наконец, в *третью группу* входят преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК). К ним относятся: Злоупотребление полномочиями (ст. 201); Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами (ст. 202); Превышение полномочий служащими частных охранных или детективных служб (ст. 203); Коммерческий подкуп (ст. 204).

По сложившейся традиции в российском уголовном праве признаком, объединяющим составы преступлений в соответствующей главе Особенной части УК, является общность родового (видового) объекта. Как полагают современные исследователи, родовым объектом являются интересы, на которые посягают преступления, нормы об ответственности за совершение которых помещены в единый раздел Уголовного кодекса. Видовым объектом являются интересы, на которые посягают преступления, нормы об ответственности за совершение которых располагаются в пределах одной главы.

Анализируемые экономические преступления объединены законодателем в УК 1996 г. в разделе VIII «Преступления в сфере экономики». Таким образом, по представлению законодателя, *родовым объектом* преступлений, составы которых описаны в разделе VIII УК, является экономика, понимаемая как совокупность производственных (экономических) отношений по поводу производства, обмена, распределения и потребления материальных благ. Объект данных преступлений – сложный, составной комплекс общественных отношений, защищаемых уголовным законом, имеющий как существенные сходные черты, так и определенные различия.

Представляется, что основополагающим критерием, определяющим отнесение тех или иных общественных отношений к объекту экономических преступлений, является собственность. По нашему мнению, к объекту экономических преступлений относятся также общественные отношения, производные от собственности или тесно связанные с ней.

Определившись, таким образом, с объектом экономических преступлений, мы можем прийти к выводу, что, по действующему уголовному законодательству, к экономическим преступлениям можно отнести преступления против собственности и против экономической деятельности. Кроме названных преступлений, новый УК включил в раздел «Преступления в сфере экономики» также главу «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях». Думается, что название данной главы не совсем удачно, так как нормы, включенные в нее, призваны охранять экономические правоотношения, а преступления, посягающие на нехозяйственные интересы службы на данных предприятиях и в организациях, не являются экономическими. Нормы данной главы должны распространяться на все негосударственные организации особой организационно-правовой формы. Данную главу в разделе «Преступления в сфере экономики» целесообразнее было бы назвать «Преступления против интересов предприятий и организаций»¹³.

Очевидно, к экономическим преступлениям следовало бы отнести и большую часть преступлений в сфере обращения информации на технических носителях (уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации предусматривает гл. 28 действующего УК РФ). В любом случае, необходимо признать, что объект преступлений в сфере экономики – понятие сложное, комплексное, практически мало изученное.

При этом особые трудности возникают при определении видового объекта преступлений, описание которых дано в главе «Преступления в сфере экономической деятельности». Различными авторами (Б. В. Волженкин, Н. А. Лопашенко, Г. Н. Новоселов, Т. Ю. Погосян, Л. П. Кузнецов, С. С. Витвицкий, А. С. Витвицкая, И. Ю. Михалев) высказано множество мнe-

¹³ См.: Мазур С. Ф. Уголовно-правовая охрана экономической деятельности. М., 1998. С. 28–29.

ний и относительно понятия объекта этой группы преступлений, и их классификации. Не ставя перед собой задачу проанализировать все имеющиеся по этому поводу точки зрения (они будут подробно рассмотрены в специальных главах настоящего курса), отметим лишь, что обилие классификаций преступлений в сфере экономической деятельности объясняется разнохарактерностью самих деяний, объединенных в рамках главы 22 УК РФ.

По-видимому, эта разнохарактерность и не позволила пойти по традиционному пути при определении названия главы, как это сделано во всех других случаях. Она не называет объект посягательства, а лишь обрисовывает границы, в которых совершаются указанные деяния. Такими границами является «экономическая деятельность»¹⁴.

В отличие от законодательной классификации преступлений в сфере экономики (по УК РФ 1996 г.) А. М. Яковлев предложил свою оригинальную, системно обобщенную классификацию преступлений в сфере экономики, отражающую взаимосвязь и взаимодействие экономических преступлений с другими составами, включенными в новый Уголовный кодекс Российской Федерации. Давая сравнительно-правовую аналитическую характеристику преступлениям в сфере экономики, он классифицировал их на пять групп (видов) преступлений:

- 1) наиболее важные для экономической деятельности *конкурентные* составы преступления;
- 2) наиболее важные для экономической деятельности составы преступлений, отражающие *противостояние действиям должностных лиц* (госчиновников или менеджеров компаний);
- 3) наиболее важные для экономической деятельности составы преступлений, характеризующие *криминальный бизнес*;
- 4) наиболее важные для экономической деятельности составы, *характеризующие финансовые и налоговые преступления*;
- 5) Наиболее важные для экономической деятельности составы преступлений, характеризующие *преступления против собственности*¹⁵.

Классификация, предложенная проф. А. М. Яковлевым, имеет не только научное, но и, в первую очередь, большое прикладное значение для работников органов юстиции, осуществляющих борьбу с экономической преступностью. При этом, правда, следует учесть возможность коллизии и конкуренции уголовного и гражданского законодательства. На наш взгляд, прав А. Э. Жалинский, утверждая, что гражданско-правовые нормы в случае их конкуренции с уголовно-правовыми применяются, если:

- существует возможность восстановления нарушенного преступлением блага путем добровольных действий субъекта, нарушившего право;
- деяние, признаки которого оцениваются, совершено в ситуации общего и предпринимательского риска;
- меры гражданской ответственности обеспечивают экономические интересы не только лица, которому причинен ущерб, но и государства и общества¹⁶.

Отличия между преступлением в сфере экономики и гражданско-правовым деликтом не только количественные (размер дохода, ущерба), но и качественные – наличие (или отсутствие) обмана или злоупотребления доверием.

Завершая общий обзор системы и видов экономических преступлений, обратим внимание еще один важный момент. В УК в разделе VIII «Преступления в сфере экономики»

¹⁴ См.: Тюнин В. И. Система преступлений в сфере экономической деятельности (история и современность) // Российской следователь. 2000. № 2. С. 20–24.

¹⁵ Подробнее об этом см.: Корчагин А. Г. Экономическая преступность. Владивосток, 1998. С. 69–81.

¹⁶ См.: Жалинский А. Э. О соотношении уголовного и гражданского права в сфере экономики // Государство и право. 1999. № 12. С. 47–52.

большинство деяний имеют указания на последствия материального характера В статьях главы 21 «Преступления против собственности» наступление материального ущерба является признаком девяти составов преступлений. В главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» в 14 статьях из 35 содержится указание на последствия материального характера. В главе 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» также последствия предусмотрены в трех статьях из четырех. В указанных уголовно-правовых нормах употребляются достаточно близкие по смыслу термины, характеризующие материальные последствия: «крупный ущерб», «крупный размер», «значительный ущерб», «существенный вред», «значительный размер», «имущественный ущерб» и «особо крупный размер». В некоторых составах преступлений законодатель использует термин «тяжкие последствия». Формальная неопределенность стоимостного критерия в диспозициях экономических преступлений не способствует единообразному и эффективному применению закона, так как оставляет слишком широкое поле для судебного усмотрения и, в определенной мере, противоречит принципу законности.

Следует также отметить, что из законодательной формулировки отдельных уголовно-правовых норм не всегда ясно, кому должен причиняться вред. Так, например, в ч. 2 ст. 169, ч. 2 ст. 183, ст. 185, ч. 1 и 2 ст. 195, ст. 196 и ст. 197 УК РФ не называется адресат причинения вреда, в то время как в ч. 1 ст. 171, ч. 1 ст. 172, ст. 173, ч. 1 и 2 ст. 176, ч. 1 и 2 ст. 180 УК РФ указывается на то, что крупный ущерб может быть причинен гражданам, организациям или государству. Думается, необходимо привести указанные нормы к общему знаменателю и законодательно закрепить, кому может быть причинен ущерб, так как рассматриваемый в них признак имеет квалифицирующее значение.

Акцент при конструировании уголовно-правовых норм должен быть сделан на иных криминообразующих признаках деяния. По образному выражению В. В. Есипова, «материальные последствия преступления, которым придавали первенствующее значение, ныне уступили место психическим элементам»¹⁷. Именно такой подход использовали составители Уголовного уложения 1903 г. при конструировании уголовно-правовых норм, являющихся аналогами действующих сегодня новелл, касающихся преступлений в сфере экономики. При сохранении уголовно-правовых норм в их нынешнем виде потребуются анализ правоприменительной практики с целью выработки единой позиции в трактовке последствий экономических преступлений.

Изложенное выше приводит к выводу, что и вся система в целом, и многие входящие в нее виды экономических преступлений требуют дальнейшего совершенствования на законодательном уровне.

Что касается *системы* (с входящими в нее группами) преступлений в сфере экономики, то авторами настоящего курса она представлена в следующем виде.

Преступления против собственности подразделены в зависимости от способа причинения ущерба охраняемым объектам на три группы:

- 1) хищения (ст. 158–162, 164 УК);
- 2) иные корыстные преступления против собственности, не содержащие признаков хищения (ст. 163, 165, 166 УК);
- 3) преступления против собственности, не связанные с извлечением имущественной выгоды (ст. 167, 168 УК).

Преступления в сфере экономической деятельности дифференцированы на следующие группы и подгруппы.

1. Преступления, нарушающие основы (общие принципы) установленного порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности:

¹⁷ Есипов В. В. Уголовное право. Часть Особенная. Преступления против государства и общества. М., 1912. С. 185.

а) преступления должностных лиц, нарушающие установленные Конституцией РФ и федеральными законами гарантии осуществления экономической, в том числе законной предпринимательской, деятельности, права и свободы ее участников (ст. 169, 170 УК);

б) преступления, нарушающие основы (общие принципы) установленного порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности «изнутри», самими участниками этой деятельности (ст. 171, 171¹, 172–174, 174¹, 175 УК).

2. Преступления против интересов кредиторов (ст. 176, 177, 195–197 УК).

3. Преступления, нарушающие отношения добросовестной конкуренции (ст. 178–181, 183, 184 УК).

4. Преступления, нарушающие установленный порядок обращения денег и ценных бумаг, злоупотребления при эмиссии ценных бумаг (ст. 185, 185¹, 186, 187 УК).

5. Преступления против установленного порядка внешнеэкономической деятельности, или таможенные преступления (ст. 188–190, 194 УК).

1. Преступления против установленного порядка оборота драгоценных металлов, драгоценных камней и валютных ценностей (ст. 191–193 УК).

2. Преступления против установленного порядка уплаты налогов и сборов, или налоговые преступления (ст. 198, 199, 199¹, 199² УК).

Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях в силу ограниченного числа их составов в УК РФ ранжированию не поддаются.

Дальнейший анализ преступлений в сфере экономики будет осуществлен авторами курса в соответствии с приведенными выше классификациями.

Глава II

Преступления против собственности

§ 1. История уголовного законодательства России об ответственности за преступления против собственности

Такие имущественные преступления, как кража, разбой, самовольное пользование чужим имуществом, его повреждение или уничтожение, и некоторые другие упоминаются еще в **Русской Правде** (ст. 31, 33, 35, 37, 40–43, 83, 84 Пространной редакции). Но наиболее подробно регламентируется здесь ответственность за различные виды татьбы: конокрадство («коновой тать»), кража скота, пчел и меда из бортных деревьев, бобров, сена или дров и т. д. И это не случайно.

Тайное завладение чужим имуществом, видимо, начинало облагаться наказанием исторически первым. В противоположность открытому, такой способ считался признаком человека низкого и коварного, что было естественно для эпохи, в которую каждый настолько охотно доверял своим силам, что тайно подступавший преступник возбуждал больше презрения и даже страха, чем тот, кто шел к своей цели явно, пусть даже не останавливаясь перед возможным насилием. Вот почему типичным представителем презренных способов стала татьба, упоминания о которой как о тяжком имущественном посягательстве встречаются в самых ранних памятниках права («татиным обычаем», «украдом», «крадучись»). Понятия же о явном и насильственном завладении чужим имуществом в них отсутствуют. Последние отчасти образовывали понятие разбоя, который наказывался мягче, чем кража, а отчасти включали в себя действия, относимые ныне к самоуправству, повреждению имущества, разгрому его и т. д.

Разбой сформировался из складывающихся с течением времени запретов открытых наездов дружинами, которые прежде были обычным делом, почитаемым за проявление дозволенной отваги, особенно по отношению к чужеземцам.¹⁸ Даже после того, как подобные набеги ушли в историю (частью по настоянию страдающих от них народов, закрепленному в договорных грамотах, частью вследствие постепенного объединения русских земель), понятие разбоя еще долго означало совокупное нападение шайки на мирных жителей для разбития и расхищения их имущества.

Так, в **Псковской судной грамоте 1467 г.** наряду с кражей выделялись такие более опасные преступления, как разбой, «наход», означавший, видимо, «вооруженное нападение с целью завладения чужим имуществом», грабеж и «зажог» (ст. 1, 7, 20, 34, 116 и др.). При этом за кражу, совершенную в третий раз, а также за церковную кражу, конокрадство и кражу государственного имущества из Кремля полагалась смертная казнь (ст. 8).

От разбоя отличалось самоуправное насильственное отнятие имущества «один на один», которое под рубрикой грабежа составляло гражданскую неправду, не сопровождавшуюся личными наказаниями. По мнению некоторых исследователей, грабеж, по **Судебнику 1497 г.**, считается не более чем самоуправным отнятием имущества у другого лица после драки, возникшей по каким-либо личным или имущественным причинам.¹⁹ К имущественным преступлениям данным актом относятся, прежде всего, разбой и татьба (ст. 8, 10, 14, 34, 39 и др.).

¹⁸ *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. Пг., 1916. С. 183.

¹⁹ Даже в Соборном уложении 1649 г. грабежом называется собственно самоуправство, например самовольная реквизиция ратных людей в поход, и не указывается конкретный вид наказания за это (см.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 349–350).

Многие виды кражи карались смертной казнью. Смертная казнь выносилась также «зажигалнику» (поджигателю).

Судебник 1550 г. относит к особо опасным деликтам разбой, грабеж и отдельные виды татьбы (например, повторную, церковную). Здесь впервые проводится разграничение грабежа («грабил, а не бил») и разбоя («грабил в бою») в качестве ненасильственного и насильственного преступлений (ст. 25).²⁰

Примечательным для данного Судебника является также первое упоминание о мошеннике, которому предназначалась «*та ж казнь, что и татю*» (ст. 58).²¹ Именно этот документ, как полагают некоторые авторы, впервые проводит различие между воровством и мошенничеством.²² Однако, по мнению И. Я. Фойницкого, мошенничество означало в то время не имущественный обман, а карманную кражу, будучи обязанным своим происхождением слову *мошна* – кошелек.²³ Скорее всего, он прав, поскольку в этой же статье Судебника наряду с мошенником упоминается *оманищик* – обманщик, который при доказательстве его вины подлежит торговой казни.

Наказание за обман предусматривалось затем и **Судебником 1589 г.** (ст. 112). Однако точного и определенного понятия мошенничества как имущественного обмана названный источник еще не дает, что было связано с экономической неразвитостью государства.²⁴

Соборное уложение 1649 г. относилось к имущественным следующие посягательства: татьбу простую и квалифицированную (церковную, на службе, конокрадство, совершенную в государевом дворе, кражу овощей из огорода и рыбы из садка), разбой (в виде промысла), грабеж обыкновенный или квалифицированный (совершенный «служилыми» людьми или детьми в отношении родителей), мошенничество (как хищение, связанное с обманом, но без насилия), насильственное завладение чужим имуществом (землей, животными) и др.²⁵ Об этих деяниях говорилось в разных главах Уложения, но основной материал сосредоточен в главе XXI «О разбойных и татиных делах». Здесь же устанавливалась ответственность за попустительство, недоносительство и укрывательство разбойников и татей (ст. 59–65, 77–81).

В Артикуле воинском 1715 г. имелась глава «О зажигании, грабительстве и воровстве». Квалифицированными считались кражи, совершенные из церкви или казенного имущества, во время стихийных бедствий или из разрытых могил, караульным, а также на сумму свыше 20 рублей. Наказанию подлежали и укрыватели (арт. 190).

Наряду с этим назывался ряд обстоятельств, смягчающих или вовсе исключających наказание. Например, к смягчающим обстоятельствам относилась «голодная нужда», наказание не применялось к малолетним и умалишенным, а также за «небрежное и неосторожное» уничтожение огнем чужого имущества (арт. 195, 179).

Одним из самых опасных преступлений продолжал оставаться разбой, в отличие от которого грабеж охватывал вымогательство и самовольный захват имущества. Выделялись два вида грабежа: совершенный с оружием (наказуемый как разбой) и без оружия. Тем самым более четко дифференцировалась ответственность за насильственное и ненасильственное хищение (арт. 185).

²⁰ Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 101, 106–108.

²¹ Не так ли и сейчас у некоторых народов набеги с целью захвата имущества, скота и даже людей не только не считаются преступлением, а почитаются за дело доблести, мужской отваги и во общем-то вполне естественного способа существования и добывания себе средств к жизни.

²² *Владимирский-Буданов М. Ф.* Указ. соч. С. 351.

²³ *Фойницкий И. Я.* Мошенничество по русскому праву. СПб., 1871. С. 128.

²⁴ Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 108; *Черволицкий Д. А.* Мошенничество по уголовному уложению. Юрьев, 1906. С. 9, 13.

²⁵ *Исаев И. А.* История государства и права России. М., 1996. С. 84–85; Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. М., 1986. С. 183–187.

Кроме того, данный акт устанавливал ответственность за утаивание вещей, взятых на сохранение (арт. 193), и присвоение находки (арт. 195), которое прежде не выделялось в качестве самостоятельного имущественного преступления. Согласно арт. 194 смертной казни подвергался не только виновный в растрате государственных денег, но и недоноситель.²⁶

Таким образом, ко времени Соборного уложения 1649 г. сложилась система понятий, в которой на первом плане оставались такие формы посягательств, как татьба, означающая тайное похищение движимого имущества, и разбой, под которым понималось нападение лихих людей шайками на мирных жителей с целью разбивания и отобрания имущества. К татьбе приравнивались похищение насильственное, но не разбоевидное, а также мошенничество.

Однако постепенно под влиянием изменения уклада общественной жизни отношение как к обманным, так и к открытым формам завладения имуществом меняется, а то значение, которое ранее придавалось тайному способу, отпадает, в силу чего мошенничество и разбой всецело переходят в область корыстных имущественных посягательств. Напомним в связи с этим, что классик английской литературы Д. Свифт считал мошенничество опаснее кражи, поскольку от вора можно обезопаситься крепкими запорами и замками, а от ловкого мошенника честному человеку обезопасить себя невозможно. Отмеченная специфика обмана, а также объектов и предметов мошенничества сделала его прерогативой главным образом имущего сословия. И это вполне естественно. Мошенничество требовало определенных знаний, навыков, образования, профессии и социального статуса. Уделом же обездоленных оставались кражи, грабежи и разбойные нападения.

Позднее под влиянием развития экономического оборота все большее значение в качестве самостоятельных понятий приобретают имущественные обманы. Так, **Указ 1781 г.** о разных видах воровства расчленяет его на три вида: а) *воровство-грабеж*, включающий в себя насильственные и некоторые случаи открытого ненасильственного хищения; б) *воровство-мошенничество*, означающее внезапное открытое похищение и похищение обманом или вымыслом; в) *воровство-кражу*, заключенную в пределы тайного похищения.²⁷ Именно данным Указом впервые разъяснено, что к мошенничеству нужно относить: а) карманную кражу, б) внезапное похищение, рассчитанное на ловкость, быстроту действий виновного; в) завладение имуществом путем обмана.

Раздел XII «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц» **Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.** состоит из следующих глав: о насильственном завладении чужим недвижимым имуществом, о захватах и неправильном пользовании доходами или иными выгодами чужого имения и об истреблении граничных меж и знаков (гл. I); об истреблении и повреждении чужого имущества (гл. II);

о похищении чужого имущества (гл. III); о присвоении и утайке чужой собственности (гл. IV); о преступлениях и проступках по договорам и другим обязательствам (гл. V).

В указанном разделе наиболее отчетливо проявилось обособление объектов охраны в зависимости от характера охраняемых имущественных отношений, поскольку в разных его главах фигурировали деяния *против чужого имущества* и деяния *по договорам и другим обязательствам*. С тех пор размещение экономических преступлений в разных главах, одна из которых предусматривает посягательства против собственности, а другая – против установленного порядка хозяйственной деятельности, становится традиционным, а их взаимосвязь в качестве неких «сообщающихся сосудов» – все более очевидной.

Глава 3 данного раздела начинается статьей, согласно которой похищением признаются разбой, грабеж, воровство-кража и воровство-мошенничество. Далее следуют предписания Отделения первого «О разбое» (ст. 2129–2138), в первой статье которого дается определение

²⁶ Там же. С. 108.

²⁷ Российское законодательство X – XX веков. Т. 4. М., 1986. С. 328–365.

данного преступления, согласно которому таковым признается «всякое на кого-либо, для похищения принадлежащего ему или находящегося у него имущества, нападение, когда оно учинено открытою силою с оружием, или хотя и без оружия, но сопровождалось или убийством или покушением на оно, или же нанесением увечья, ран, побоев или других телесных истязаний, или такого рода угрозами или иными действиями, от которых представлялась явная опасность для жизни, здоровья или свободы лица или лиц, подвергавшихся нападению».

В последующих статьях Отделения устанавливается ответственность за совершение разбоя в церкви (ст. 2130), на улице (ст. 2132), шайкой (ст. 2135), соединенного «со смертоубийством» (ст. 2136), лицом, ранее подвергнутым наказанию за это же преступление (ст. 2137) и т. д.

Отделение второе главы 3 раздела XII «О грабеже» (ст. 2139–2145) признает таковым «во-первых, всякое у кого-либо отнятие принадлежащего ему или же находящегося у него имущества, с насилием или даже с угрозами, но такого рода, что сии угрозы и самое насильственное действие не представляли опасности ни для жизни, ни для здоровья или свободы такого лица; во-вторых, всякое, хотя без угроз и насилия, но открытое похищение какого-либо имущества, в присутствии самого хозяина или других людей» (ст. 2139).

Отделение третье (ст. 2146–2171) «О воровстве-краже» определяет ее как «всякое, каким бы то ни было образом, но втайне, без насилия, угроз и вообще без принадлежащих к свойству разбоя и грабежа обстоятельств, похищение чужих вещей, денег, или иного движимого имущества» (ст. 2146).

В зависимости от стоимости похищенного имущества выделяются: а) «маловажная кража» – до 50 коп.; б) кража предмета, «коего цена не превышает тридцати рублей»; в) кража на сумму более тридцати, но не свыше трехсот рублей и г) кража на сумму более трехсот рублей (ст. 2159).

Обстоятельствами, отягчающими ответственность за кражу, считаются совершение ее ночью, в церкви, «с обдуманном заранее намерением или умыслом», необходимого «для пропитания» имущества и т. д. (ст. 2166). Согласно же ст. 2170 наказание уменьшается, если виновный добровольно возвратит украденное.

Отделение четвертое «О воровстве-мошенничестве» (ст. 2172–2187) открывает статью, согласно которой таковым «признается всякое посредством какого-либо обмана учиненное похищение чужих вещей, денег или иного движимого имущества» (ст. 2172). Обстоятельствами, отягчающими ответственность за данное посягательство, служат его учинение «по предварительному соглашению и уговору нескольких лиц», с обманом малолетнего, слепого или глухонемого, во второй раз и т. д. (ст. 2181).

Глава пятая раздела XII «О присвоении и утайке чужой собственности» также состоит из четырех отделений, первое из которых предусматривает ответственность за присвоение «через подлог или иного рода обманы чужого недвижимого имущества» (ст. 2188–2191), второе – за присвоение «вверенного чужого движимого имущества», виновным в котором признается тот, «кто чужую какого-либо рода собственность, вверенную ему для сохранения, или же какого-либо употребления, или назначения присвоит себе, запираясь в получении оной или утверждая ложно, что она им уже возвращена, или передана, или употреблена по назначению, или же будто бы без вины его истреблена или уничтожена, а равно кто такую собственность с умыслом растратит», третье – за присвоение «найденной вещи» (ст. 2193, 2194), а четвертое – за присвоение «ученой или художественной собственности» (ст. 2195–2197).

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., не отменяя Уложения 1845 г., предусматривал ответственность за совершение проступков против чужой собственности, к которым были отнесены в гл. 13 следующие отделения: о самовольном пользовании чужим имуществом и повреждении его (ст. 145–153), о похищении и повреждении чужого

леса (ст. 154–168), о краже (ст. 169–172) и о мошенничестве, обманах и присвоении чужого имущества (ст. 173–181).

Итак, после Уложения о наказаниях в редакции 1885 г. похищение имущества предполагалось такими способами, как кража, грабеж, разбой и мошенничество. При этом термин «кража» трактовался в том смысле, какой он имел еще во времена Русской Правды, в отношении грабежа различались насильственные и насильственные действия, соответственно, разбоем считалось только насильственное посягательство, а из состава мошенничества были исключены случаи открытого внезапного похищения без насилия, которые отошли в особый вид грабежа, после чего мошенничество приобрело почти современную трактовку.

Некоторым данная дробность казалась чрезмерной, крайне усложняющей систему хищений. «Рубрика грабежа в ней, – считал И. Я. Фойницкий, – совершенно излишняя и держится лишь по историческому воспоминанию; грабеж первого рода, или насильственный, естественно примыкает к разбою, а грабеж второго рода, или внезапный, давно пора отнести к краже; признак тайного захвата уже утратил всякое значение, и все случаи похищения могут быть разделены на две главные группы, смотря по тому, учинены ли они без насилия или с насилием над личностью. Из случаев ненасильственного похищения самостоятельное место должно быть усвоено только похищению посредством обмана».²⁸

Не без влияния этих высказываний разработчики **Уголовного уложения 1903 г.**, считая разграничение кражи и грабежа искусственным и не отвечающим потребностям практики, подвергли пересмотру систему способов похищения, объединив кражу и ненасильственный грабеж под рубрикой «воровство». Характеризуя последнее как тайное или открытое похищение, Уложение внесло коррективы и в понятие разбоя, определив его как похищение с применением насилия над личностью или наказуемой угрозы, вне зависимости от характера насилия и того, связано ли оно с нападением или нет.²⁹ И лишь признаки мошенничества остались без изменения. Кроме того, в число разновидностей похищения Уложение включило вымогательство, установив, что вымогатель есть «виновный в принуждении с целью доставить себе или другому имущественную выгоду, к уступке права на имущество или ко вступлению в иную невыгодную сделку по имуществу, посредством телесного повреждения, насилия над личностью или наказуемой угрозы».

После 1917 г. до издания первого советского УК нормы об охране собственности содержались в **декретах Советской власти**, в которых зачастую содержалось указание и на конкретные способы хищений. Например, в Декрете СНК от 5 мая 1921 г. «Об ограничении прав по судебным приговорам» упоминались такие преступления, как кража, разбой, грабеж, мошенничество, вымогательство, присвоение и растрата. Наиболее же детальным в этом отношении был Декрет ВЦИК и СНК от 1 июня 1921 г. о мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям.³⁰

УК РСФСР 1922 г. предусматривал такие способы хищения, как кража (ст. 180), грабеж (ст. 182, 183), разбой (ст. 184) присвоение (ст. 113, 186) и мошенничество (ст. 188). При этом в трактовке кражи, грабежа и разбоя он пошел по пути Уложения 1885 г., определив, что кража есть «тайное похищение имущества, находящегося в обладании, пользовании или ведении другого лица или учреждения»,³¹ грабеж – «открытое похищение чужого иму-

²⁸ Позднее Свод законов присоединяет к этим трем видам хищения разбой, означающий насильственное нападение на дом или целое селение для похищения чужого имущества с опасностью для жизни.

²⁹ *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного права. Часть Особенная: Посягательства личные и имущественные. С. 186–187.

³⁰ СУ РСФСР. 1921. № 39. Ст. 309; № 40. Ст. 262.

³¹ Постановлением ВЦИК от 16 октября 1924 г. п. «д» ст. 180 УК 1922 г. был дополнен примечанием, которым декриминализована «мелкая фабрично-заводская кража материалов и орудий производства, совершенная в первый раз рабочим или служащим, занятым в производстве в пределах своего предприятия, если стоимость похищенного не превышает пятнадцати рублей».

щества в присутствии лица, обладающего, пользующегося или ведающего им, но без насилия над личностью или с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего», а разбой – «открытое, с целью похищения имущества, нападение отдельного лица на кого-либо, соединенное с физическим или психическим насилием, грозящим смертью или увечьем». Присвоением считались «самовольное удержание с корыстной целью, а также растрата имущества, вверенного для определенной цели, учиненное частным лицом» (ст. 185).³² Под мошенничеством понималось «получение с корыстной целью имущества или права на имущество посредством злоупотребления доверием или обмана» (ст. 187).

Кроме того, глава VI («Имущественные преступления») данного УК предусматривала ответственность за вымогательство (ст. 194, 195)³³ и умышленное истребление или повреждение имущества (ст. 196, 197).

УКРСФСР 1926 г. предусматривал те же формы хищений с той лишь разницей, что в нем был расширен объем мошенничества, которое определялось как «злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества или права на имущество или иных личных выгод» (ст. 169), включая тем самым указание и на некорыстный характер этого преступления, а также перенеся момент его окончания на более раннюю стадию, на которой посягательство признавалось оконченным с момента совершения злоупотребления доверием или обмана, хотя бы эти действия и не привели к получению виновным имущества, права на имущество или иных личных выгод.

Кроме того, в главе 7 данного УК устанавливалась ответственность за кражу электрической энергии (ст. 163), похищение огнестрельного оружия (кроме оружия охотничьего образца и мелкокалиберного) и огневых припасов к нему (ст. 166а), покупку заведомо краденного (ст. 164), подделку в корыстных целях официальных бумаг, документов и расписок (ст. 170), ростовщичество (ст. 173) и т. д. В то же время ответственность за некоторые преступления против собственности была предусмотрена в других главах («Иные преступления против порядка управления», «Должностные (служебные) преступления» и «Преступления хозяйственные»).

7 августа 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», установившее очень жесткие меры за «хищение (воровство)» колхозного и кооперативного имущества, а также «грузов на железнодорожном и водном транспорте», предусмотрев за это смертную казнь, а при смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией имущества, без права на амнистию.³⁴

Вместе с тем названное постановление не только не раскрыло понятие хищения, но и не отграничило сферу его применения от сферы действия УК. Правда, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР «Об итогах применения в судебной практике Закона от 7 августа 1932 г.» указывалось, что его следует применять только при совершении крупных систематических хищений социалистической собственности.³⁵ На деле по этому акту квалифицировались деяния, даже не являющиеся хищением.³⁶

³² Таким образом, регламентация ответственности за преступное насилие не претерпела значительных изменений, за исключением лишь так и не обретшего юридической силы решения о слиянии насильственного грабежа с разбоем в единую форму насильственного хищения (ст. 589).

³³ В первой статье к вымогательству относилось «требование передачи каких-либо имущественных выгод или права на имущество или же совершения каких-либо действий под страхом учинения насилия над личностью или истребления его имущества», а во второй вымогательство, «соединенное с угрозой огласить позорящие потерпевшего сведения или сообщить властям о противозаконном его деянии», было названо шантажом.

³⁴ Присвоение (а с 10 июля 1923 г. и растрата) должностным лицом «денег или иных ценностей, находящихся в его ведении в силу его служебного положения» квалифицировалось по ст. 113 как должностное (служебное) преступление (гл. ПУК). Причем высшая мера наказания применялась за указанные действия к должностным лицам, «облеченным особыми полномочиями», а также за присвоение «особо важных государственных ценностей» (ч. 2 ст. 113).

³⁵ См.: Уголовное право. Особенная часть. М., 1938. С. 103.

8 целях устранения возникшего разнobia по вопросам квалификации хищений Президиум Верховного Совета СССР **4 июня 1947 г.** издал два Указа – «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан».³⁷

Тем самым была дифференцирована ответственность за посягательства на социалистическую и личную собственность, а внутри первой – за посягательства на государственную и общественную собственность.

Кроме того, Указом «Об усилении охраны личной собственности граждан» грабеж без насилия был отнесен к краже, под которой понималось «тайное или открытое похищение имущества граждан», а насильственный грабеж включен в состав разбоя, сформулированный как «нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилием или угрозой применения насилия». Упразднив таким образом грабеж в качестве отдельного состава, законодатель вернулся к той системе способов хищения, которая содержалась в Уложении 1903 г. Поэтому закономерен вывод того времени, что разбой сочетает в себе элементы кражи (похищения чужого имущества) и элементы посягательства против личности.

Вопросам соотношения Указов от 4 июня 1947 г. и соответствующих норм продолжавшего действовать УК 1926 г. было посвящено постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 августа 1947 г., согласно которому в связи с принятием данных Указов не подлежали применению как Закон от 7 августа 1932 г., так и нормы УК о хищении. Более того, была отменена и ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и хулиганство», в результате чего виновные в таких кражах стали наказываться на необоснованно длительные сроки лишения свободы по Указу от 4 июня 1947 г.

Такое положение частично было исправлено с выходом Указа Президиума Верховного Совета СССР от **10 января 1955 г.** «Об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества»,³⁸ в соответствии с которым такого рода мелкое хищение, совершенное впервые, влекло за собой наказание в виде исправительных работ сроком от 6 месяцев до 1 года или лишения свободы сроком на 3 месяца.

Тенденция к дифференцированной охране разных форм собственности находит свое завершение в **УКРСФСР 1960 г.**, где:

а) статьи, предусматривающие ответственность за посягательства на собственность, были четко поделены по разным главам (гл. 2 – о преступлениях против социалистической собственности и гл. 5 – о преступлениях против личной собственности, в наименовании и местоположении которых нашло отражение господствующее в идеологии и закрепленное в Конституции того времени деление собственности на две формы: общественную (читай – государственную) как ведущую, базовую, главенствующую, и личную как производную от общественной и потому второстепенную;

б) по тем же критериям были разнесены преступления против находящегося на территории РСФСР имущества других социалистических государств (ст. 101) и объединений, не являющихся социалистическими организациями (ст. 151);

в) способы посягательства на государственную собственность формулировались шире и подробнее, чем в главе, установившей ответственность за преступления против личной собственности;

г) меры ответственности за посягательства против социалистической собственности предусматривались более строгие, нежели за преступления против собственности личной,

³⁶ См., напр.: СЗ СССР. 1933. № 2. Ст. 9; 1934. № 41. Ст. 256 и др.

³⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.

³⁸ СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

что нашло выражение не только в установлении разновеликих санкций за аналогичные деяния, но и в закреплении специальной нормы об ответственности за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, допускавшей применение исключительной меры наказания – смертной казни – с одновременной конфискацией имущества (ст. 93¹), чего не предусматривалось за хищения личного имущества, в каком бы размере они ни совершались.³⁹

УК 1960 г., не давая общего определения хищения, все же достаточно последовательно ограничивал его объем, определяя семь возможных способов изъятия имущества: кража (ст. 89, 144), грабеж (ст. 90, 145), разбой (ст. 91, 146), мошенничество (ст. 93, 147) присвоение, растрата и хищение путем злоупотребления служебным положением (ст. 92). Восстановление самостоятельного значения состава грабежа как открытого похищения без насилия или с насилием, не опасным для жизни и здоровья, обусловило и соответствующую трактовку понятий кражи (тайное похищение), а также разбоя (нападение, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья). При этом раздельная охрана социалистической (государственной или общественной) и личной форм собственности предопределяла и разницу в числе способов посягательства на данные формы.

5 декабря 1991 г. был принят Закон РСФСР, которым примечание к ст. 89 УК было дополнено двумя новыми частями. В одной из них раскрывалось понятие хищения в крупных размерах, а в другой – хищения в особо крупных размерах. Этим же законом была отменена смертная казнь за хищение в особо крупных размерах.⁴⁰

Последние значительные изменения в УК 1960 г. были внесены Федеральным законом РФ от **1 июля 1994 г.**⁴¹ Прежде всего из него была исключена глава 2 и установлена одинаковая ответственность в главе 5 за преступления против собственности независимо от ее форм.⁴² Впервые было дано законодательное определение хищения (прим. к ст. 144), а к особо квалифицирующим признакам отнесено совершение хищения организованной группой. Кроме того, в главе 5 УК появились две новые статьи о хищении – 147¹ (присвоение вверенного имущества) и 147² (хищение предметов, имеющих особую ценность). Дополнительно в этой же главе появились неправомерное завладение транспортным средством, лошадью или иным ценным имуществом без цели хищения (ст. 148¹) и неправомерное завладение чужим недвижимым имуществом (ст. 148²).

³⁹ Там же. 1955. № 2.

⁴⁰ Ведомости Съезда н/д РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1867.

⁴¹ СЗ РФ. 1994. № 10. Ст. 1109.

⁴² Наряду с хищениями в данной главе остались и такие преступления, как вымогательство (ст. 148), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 148³), присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного чужого имущества (ст. 148⁴), умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 149) и неосторожное уничтожение или повреждение имущества (ст. 150).

§ 2. Общая характеристика, система и виды преступлений против собственности

Собственность составляет экономическую основу существования любого общества, а неотчуждаемое право быть собственником является важнейшей гарантией осуществления прав и свобод личности. Значимость данного блага столь велика, что международное сообщество сочло необходимым закрепить его в числе важнейших прав и свобод человека, изложенных во Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими. Никто не должен быть произвольно лишен своего имущества» (ст. 17).

Между тем, по данным уголовной статистики, доля имущественных преступлений составляет более половины всей современной преступности в России. Так, в 2001 г. на ее территории было зарегистрировано 1 724 147 преступлений против собственности, в 2002 г. – 1 375 483, в 2003 г. – 1 646 691, в 2004 г. – 1 891 649, в 2005 г. – 2 367 425, в 2006 г. – 2 535 860, что составило около 58, 54, 60, 65, 67 и 66 % от общего числа преступлений соответствующего года.

Охрана прав собственника является неременной компонентой деятельности публичной власти, которая обязана гарантировать стабильность отношений собственности, обеспечивая условия их защиты. Однако конкретные подходы к реализации этой функции отличаются как в различных государствах, так и в одном и том же государстве разных периодов его развития. Во многом данные отличия обусловлены свойствами объектов, вовлекаемых в отношения собственности, а также изменением под их влиянием содержания этих отношений.

Родовым объектом преступлений против собственности является безопасность экономической системы, представляющей собой совокупность структурирующих ее общественных отношений в сфере производства, распределения и потребления имущественных благ.

Регламентация указанных отношений осуществляется, прежде всего, нормами гражданского, коммерческого, финансового, таможенного и иных отраслей права, создающих то правовое поле, в границах которого возможно правомерное осуществление означенной деятельности. Вместе с тем особенность экономического организма такова, что значительная часть экономико-правовых институтов не может функционировать без уголовно-правового обеспечения их безопасности. Поэтому одной из задач уголовного законодательства была и остается охрана экономической системы государства (ст. 2 УК). Изменяется с течением времени лишь содержательное наполнение этой задачи.

Характеризуя объекты, поставленные под охрану, в разделе, посвященном экономическим преступлениям, следует отметить, что гражданское законодательство практически всех стран проводит разграничение между *вещным* и *обязательственным* правом в зависимости от характера регулируемых отношений. Первое опосредствует статику имущественных отношений, закрепляя за правомочным лицом юридическую возможность владеть имуществом, эксплуатировать его и распоряжаться им, не нуждаясь в положительных действиях других лиц; а второе опосредствует динамику названных отношений, регулируя движение имущества в хозяйственном обороте. Одно позволяет прямо воздействовать на имущество, другое регулирует отношения по его перемещению в гражданском обороте, предоставляя управомоченному лицу возможность требовать от другого лица передачи имущества или совершения иных действий имущественного характера, вытекающих из заключаемых им сделок по отчуждению или эксплуатации данного имущества.

Соответственно указанной дифференциации структурируются и нормы уголовного права, одни из которых направлены на защиту права владения, использования и распоряжения имуществом, независимо от действий каких-либо лиц, а другие – на защиту права одного лица

требовать от другого исполнения оговоренных в обязательстве действий в процессе обмена материальными ценностями, работами, услугами, в предпринимательской деятельности и т. д.

Подтверждением тому служит и действующий УК, в котором означенные группы преступлений при всем их межвидовом различии консолидированы все же в разделе «Преступления в сфере экономики», имеющем в качестве *надвидового (родового) политипного объекта* систему всех структурирующих экономическую систему отношений (как вещных, так и обязательственных).⁴³

Отношения собственности являются в этом тандеме главенствующим видовым объектом, ибо все остальные отношения так или иначе от них производны. Прежде чем надлежащим образом нормировать функционирование экономической системы, поставив под защиту ее динамическую составляющую, государство должно обеспечить неприкосновенность собственности, образующей фундамент любой экономической деятельности. Именно поэтому преступления против собственности (гл. 21) предшествуют преступлениям в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК).

Такое расположение глав внутри раздела отражает иерархическую ценность объектов посягательства: на первом плане находятся посягательства на собственность и лишь после них – посягательства на экономическую деятельность, коль скоро, не обеспечив сохранность собственности, бессмысленно рассуждать о других правовых гарантиях этой деятельности.

Видовым объектом преступлений против собственности является безопасность абсолютных вещно-имущественных отношений.

Ядро отношений, образующих видовой объект данной главы, безусловно, составляет собственность, служащая объединяющим началом и формирующим фактором (можно сказать – стержнем) ее структуры. Однако в сферу ее притяжения попадают и другие отношения, не вполне тождественные собственности, но во многом сходные с нею по режиму защиты. Объясняется это следующим.

Занимая центральное место в системе вещных прав, право собственности не исчерпывает всего ее содержания, ибо вещные права на имущество могут принадлежать и лицам, не являющимся его собственниками. При этом ст. 209 ГК, говоря о праве собственника по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, в том числе передавать права владения, пользования и распоряжения своим имуществом другим лицам или отдавать имущество в залог, в доверительное управление, специально подчеркивает, что такая передача имущества не влечет перехода права собственности к другому лицу или доверительному управляющему, который обязан осуществлять управление имуществом в интересах собственника.

Незаконное изъятие данного имущества третьим лицом нарушает право владения лица, у которого оно находилось до изъятия, но не право собственности, если новый владелец не отвергает статус собственника у субъекта, передавшего это имущество во владение потерпевшему. Ущерб причиняется лишь отношениям титульного владения как вещного правомочия особого рода, легитимирующего его субъекта на использование средств вещно-правовой защиты.

Наличие в дефиниции хищения указания на причинение ущерба не только собственнику, но и *иному владельцу имущества* дает основание и сегодня квалифицировать в качестве такового посягательство на вещные права несобственника. Подобного рода деяния, совершаемые против титульных владельцев имущества, должны квалифицироваться точно так же, как если бы они были совершены против собственников. Но нарушение их вещных прав со стороны собственника должно оставаться вне уголовно-правовой охраны, осуществляемой нор-

⁴³ Данная статья дополнила УК по Закону РСФСР от 25 июля 1962 г. (Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 29. Ст. 449).

мами данной главы, поскольку указанные права так или иначе производны от правомочий собственника. Здесь решающее значение приобретает юридическая природа отношений собственника с пользователем его имущества, которая носит не абсолютный, а относительный характер, исключающий возможность хищения собственного имущества.⁴⁴

Таким образом, выявление категории ограниченных вещных прав неизбежно предполагает их отграничение, с одной стороны, от права собственности, а с другой – от обязательственного права. Потому ограниченное вещное право и характеризуется в литературе как «абсолютное субъективное право, производное от права собственности, определяющее основание осуществляемого субъектом с учетом установленных законом ограничений бесспорного и стабильного самостоятельного владения закрепленным за субъектом имуществом, в отличие от исключительного права собственности, которое не носит производного характера, и от обязательственного права, субъект которого осуществляет зависимое владение имуществом по основаниям, определенным относительным правоотношением между ним и самостоятельным владельцем».⁴⁵

Будучи производными от права собственности, полномочия не собственников имущества должны быть защищены от уголовно противоправных деяний, совершаемых третьими лицами, так же, как права собственников, и в той мере, в какой носители вещных прав находятся в абсолютном правоотношении со всеми третьими лицами, обязанными воздерживаться от их нарушения.⁴⁶

Итак, тезис о том, что отношения собственности суть отношения вещные, но собственностью вещные отношения не исчерпываются, подводит к необходимости более широкого взгляда на *видовой объект* предусмотренных главой 21 посягательств, позволяя признать его *политипным* и выделить в его рамках две разновидности общественных отношений, связанных с владением, пользованием и распоряжением вещественными объектами: а) отношения собственности в их непосредственном понимании, возникающие между собственником имущества и обязанными воздерживаться от вмешательства в его имущественную сферу не собственниками; б) иные вещные отношения, возникающие между лицом, не являющимся соб-

⁴⁴ В литературе встречаются и иные построения иерархической системы объектов. Предлагается, в частности, рассматривать собственность в качестве родового объекта преступлений, предусмотренных главой 21, а ее объединение с родовыми объектами глав 22 и 23 в рамках раздела о преступлениях в сфере экономики – в качестве сложного (составного) объекта, включающего в себя всю совокупность отношений, регулирующих сферу экономики (см.: Уголовное право России. Общая часть. Учебник / Отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1996. С. 118). На мой взгляд, с учетом принятой в систематике терминологии и сложившихся в уголовном праве традиций классификации объектов по вертикали, для всей совокупности охраняемых уголовным законом общественных отношений следует оставить название *общий* объект, для определенного круга однородных отношений, охраняемых в силу этого отдельным комплексом связанных между собой и взаимодополняющих друг друга норм, объединенных в соответствующий раздел УК, – *родовой* объект, для группы близкородственных преступлений, обладающих рядом общих признаков и потому обособленных в отдельную главу УК, – *видовой* объект и, наконец, для конкретного общественного отношения, поставленного под охрану отдельной нормой, – *непосредственный* объект. В свою очередь в рамках видовой объекта можно выделить еще одну рубрику – *подвидовой* объект, соотносящийся с видовым как часть с целым, т. е. так же, как вид с родом. Четырехчленному делению объекта охраны как нельзя лучше соответствует и четырехступенчатое деление второй части УК: Особенная часть в целом – раздел Особенной части – глава Особенной части – статья Особенной части. На основе таким образом понимаемого соотношения основных структурных единиц покоится и общая теория, образуемая взаимодействием таких юридических категорий, как норма права, правовой институт, отрасль права и система права. Подобное соотношение преступления, подвида преступлений, вида преступлений, рода преступлений и совокупности всех преступлений, равно как и соотношения статьи Особенной части, ее главы, раздела и Особенной части УК в целом, является всего лишь частным приложением этой теории в отраслевой (уголовно-правовой) науке. При этом для тех родов преступлений, которые не отличаются межвидовым разнообразием, включая в себя всего один лишь вид (явление, известное и в других отраслях знаний, а применительно к уголовному праву речь идет о разделах Особенной части УК, состоящих из одной главы), предлагается использовать название *монотипные*, а для родов, выступающих в качестве основной надвидовой категории, объединяющей близкородственные виды, – *политипные* (политипические).

⁴⁵ Коновалов А. В. Владение и владельческая защита в гражданском праве. СПб., 2002. С. 57–58.

⁴⁶ Что же касается защиты имущественных прав титульных владельцев, противопоставленных в относительном правоотношении собственникам, то обязательственный характер этих отношений не позволяет квалифицировать в качестве «вещных» преступлений деяния собственников, сходные по способу с криминальными посягательствами против собственности.

ственником, но имеющим ограниченные вещные права на данное имущество, и всеми иными лицами (кроме собственников), обязанными воздерживаться от нарушения имущественной сферы законного владельца.

Исходя из этого, все преступления, посягающие на вещные отношения, можно подразделить на две группы, одна из которых имеет в качестве *подвидового объекта* исключительно отношения собственности, а другая – не только отношения собственности, но и ограниченные вещные отношения.

Непосредственными объектами преступлений против собственности являются вещные отношения той или иной конкретной формы, вида или подвида, которые подверглись посягательству при совершении конкретного деяния.

Согласно Конституции в Российской Федерации признается и защищается равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (ч. 2 ст. 8).

Дальнейшее членение названные формы собственности получают в ст. 212–215 ГК, из анализа которых можно сделать вывод, что:

частная собственность подразделяется на собственность граждан и юридических лиц (кроме государственных и муниципальных предприятий и учреждений, финансируемых собственником);

государственная собственность включает в себя федеральную, т. е. принадлежащую Российской Федерации, и собственность ее субъектов – республик, краев, областей и т. п.;

муниципальная собственность есть собственность городских и сельских поселений, а также других муниципальных образований.

Указанные виды собственности, в свою очередь, могут подразделяться на подвиды. Так, в составе частной собственности юридических лиц можно выделить собственность хозяйственных обществ, производственных и потребительских кооперативов и т. д.

В зависимости от стоящих перед исследователем задач классификация может производиться не только в пределах одной формы собственности с дальнейшим дроблением ее на виды и подвиды, как это имеет место в приведенных примерах, но и в иной плоскости. Например, в зависимости от особенностей субъекта присвоения можно различать индивидуальную и групповую (коллективную) формы собственности.

Общая собственность, характеризуемая принадлежностью ее объекта двум или более лицам, подразделяется на долевую и совместную. Последняя, в свою очередь, делится на собственность супругов и собственность членов крестьянского (фермерского) хозяйства и т. д. В зависимости от того, кто выступает в роли субъекта посягательства на общую собственность, их можно разделить на две группы: 1) посягательства на общую собственность со стороны третьих лиц, которые отличаются от преступлений против других разновидностей собственности числом потерпевших и, соответственно, гражданских соистцов в уголовном процессе, и 2) преступления против общей собственности, совершаемые одним из участников права общей собственности.⁴⁷

Все указанные формы собственности являются равноценными с юридической точки зрения и подлежат одинаковой охране нормами уголовного права. В этих условиях установление непосредственного объекта не имеет того значения, какое ему придавалось ранее, когда закон дифференцировал ответственность в зависимости от формы собственности. Однако и вывод о том, что «определение таковой не может рассматриваться обязательным элементом формулировки обвинения»,⁴⁸ представляется излишне категоричным. Установление непосредственного

⁴⁷ В частности, собственник имущества, закрепленного за казенным предприятием или учреждением на праве оперативного управления, вправе изъять излишнее, не используемое либо используемое не по назначению имущество и распорядиться им по своему усмотрению (п. 2 ст. 296 ГК).

⁴⁸ Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности».

объекта необходимо, в частности, для вменения такого квалифицирующего признака, как причинение значительного ущерба, который относится лишь к изъятию имущества, принадлежащего гражданину. Это обстоятельство необходимо иметь в виду еще и потому, что гражданское законодательство не содержит препятствий для перехода имущества из одной формы собственности в другую, что при известных условиях может сказаться на квалификации.

Что касается вещных прав лиц, не являющихся собственниками, то ст. 216 действующего ГК относит к ним: право пожизненного наследуемого владения земельным участком (ст. 265–267), право бессрочного пользования земельным участком (ст. 268–270), сервитуты (ст. 274–277), право хозяйственного ведения имуществом (ст. 294) и право оперативного управления имуществом (ст. 296).

Вместе с тем многие вопросы относительно круга вещных прав в чужом имуществе еще не решены. В отличие от западной доктрины, признающей в качестве одной из характерных черт такого рода прав их замкнутый объем, установленный национальной системой права, редакция ст. 216 ГК позволяет считать, что приведенный в ней перечень вещных прав не является исчерпывающим. В доктрине же в состав ограниченных вещных прав, прямо не указанных в законе, также включаются: принадлежащее учреждению право самостоятельного распоряжения доходами от разрешенной коммерческой деятельности (п. 2 ст. 298); ипотека, т. е. залог недвижимости (п. 1 ст. 131, п. 2 ст. 334); права члена кооператива на кооперативную квартиру до ее выкупа, а также права на квартиру членов его семьи (после выкупа квартира становится его собственностью, а потому признание права на нее вещным не вызывает сомнений); права члена семьи собственника жилого помещения на пользование этим помещением (ст. 292); право проживания в жилом помещении, принадлежащем другому лицу, по договору пожизненного содержания с иждивением или в силу завещательного отказа (ст. 601 ГК).⁴⁹

Предметом преступлений против собственности является то имущество, которое похищается, эксплуатируется, уничтожается или подвергается иному противоправному воздействию, нарушающему существующие по поводу данного имущества вещные отношения.

В отличие от гражданского права, в котором имущество принято считать *объектом* вещных прав, уголовно-правовая доктрина рассматривает его в качестве *предмета*, по поводу которого и существуют вещные отношения, нарушаемые преступлением. Органичная связь предмета преступного посягательства с его объектом находит выражение в данном случае в том, что таковым не могут быть предметы, воздействие на которые криминальным образом не нарушает отношений собственности или по поводу которых вообще невозможны эти отношения. Поскольку же данные отношения регламентируются гражданским законодательством, образующим бланкетное наполнение норм уголовного права, постольку естественным было бы повторить вслед за некоторыми авторами, что предметом означенных преступлений является «любое имущество, которое в соответствии с гражданским законодательством может быть объектом права собственности»,⁵⁰ и обратиться к первоисточнику – Гражданскому кодексу.

Однако термин «имущество» выступает здесь в различных ипостасях. В одних случаях под ним понимаются отдельные вещи или их совокупность (ч. 2 ст. 15, ч. 2 ст. 46), в других – вещи, деньги и ценные бумаги (ч. 1 ст. 302, ч. 1 ст. 307), в третьих – не только перечисленные объекты, но и имущественные права (ст. 18, ч. 1 ст. 56, ст. 128), в четвертых – вся совокупность наличных вещей, денег, ценных бумаг, имущественных прав, а также обязанностей субъекта

⁴⁹ Еще в дореволюционной доктрине уголовного права существовало понятие «семейная кража», обозначающее хищения, совершаемые между супругами, родителями и детьми (см.: Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 2: Преступления и проступки против собственности. СПб., 1876. С. 121; Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. М., 1912. С. 217).

⁵⁰ Уголовное право России. Особенная часть. Учебник / Отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1996. С. 135.

(ч. 2 ст. 63 ГК).⁵¹ Поэтому в процессе правоприменения требуется всякий раз уяснить значения данного термина.

Исходя из сказанного, все расположенные в главе 21 УК преступления можно подразделить, в зависимости от предмета посягательства, на:

1) преступления, предметом которых являются объекты вещного права, включая деньги и ценные бумаги (кража, мошенничество, присвоение, растрата, грабеж, разбой, хищение предметов, имеющих особую ценность, умышленное уничтожение или повреждение имущества и уничтожение или повреждение имущества по неосторожности);

2) преступления, предметом которых может быть любое имущество, в том числе имущественные права, а также другие объекты гражданских прав, включая работы, услуги, информацию, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (вымогательство, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения).

Оценивая данное построение, можно, с одной стороны, отметить сохраняющееся двойное значение понятия «имущество» в главе 21 УК: узкое (имущество как вещи, включая деньги и ценные бумаги) и широкое (имущество в целом, включающее в числе прочего и имущественные права), а с другой – констатировать более определенное размежевание по составам вещных и обязательственных имущественных отношений.

Существенное расширение права собственности за счет вовлечения в него все большего количества не вещественных объектов во многом продиктовано всевозрастающей их ролью в функционировании экономической системы и, как следствие, заинтересованностью субъектов хозяйственной деятельности в придании операциям с ними характера отношений собственности и получении тем самым той правовой защиты, которой бы они не имели, оставаясь преимущественно обязательственными.

Вместе с тем важной особенностью современной регламентации отношений собственности выступает тенденция к *дифференциации регулирования* применительно к различным ее объектам и субъектам, в результате которой – в соответствии со спецификой природы, функций и назначения имущества, а также различиями в положении собственников – возникают все более самостоятельные и имеющие все меньше общих признаков формы права собственности. Свое выражение этот процесс специализации правового регулирования находит в том, что собственность все чаще регулируется нормами целого ряда смежных институтов гражданского и административного права, включая финансовое законодательство, законодательство об объектах промышленной собственности и т. д. Важнейшим направлением перестройки законодательства становится, таким образом, «дезинтеграция права собственности – распад на отдельные функционирующие правомочия, распространяемые на неодинаковые объекты и субъекты права», а в гражданско-правовой доктрине «все шире и настойчивее проводится идея об исчезновении единого понятия права собственности, его трансформации, расщепления некогда единого субъективного права собственности на отдельные “права собственности”, характеризующиеся “своим” комплексом собственнических правомочий, характерных для тех или иных объектов».⁵²

Сообразно меняется и уголовное законодательство. Уже в УК 1960 г. от составов имущественных преступлений обособилась норма, рассчитанная на защиту прав субъектов интеллектуальной собственности на обладание специфическими (и потому не способными быть предметом хищения) «бестелесными» объектами (ст. 141). В УК 1996 г. появилось немало составов,

⁵¹ Гражданское право. Учебник. Часть 1. С. 318; Гражданское право. Учебник. Часть II / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 1997. С. 217; Щенникова Л. В. Вещные права в гражданском праве России. М., 1996. С. 72.

⁵² Гражданское право. Учебник. Часть 1. С. 212.

направленных на защиту самой динамики имущественных отношений между участниками экономического оборота с учетом особого режима приобретения, эксплуатации и отчуждения «некорпоральных» имущественных объектов. Хотя данные составы и сформировались на базе норм об ответственности за преступления против собственности, ход естественных процессов дифференциации привел к тому, что они, не утратив «генетической» связи с исходными имущественными преступлениями, заняли самостоятельное место в системе.

Наличие обособленной совокупности норм о преступлениях в сфере экономической деятельности связано с наличием особого предмета регулирования (т. е. комплекса обособленных общественных отношений), существование которого и побудило выделить соответствующие нормы в особую главу. К обособлению же специфической сферы обязательственных отношений в самостоятельный видовой объект охраны подвела сама логика событий, объективно продиктованная дифференциацией юридического режима регулирования отношений собственности по ее объектам и субъектам. Пытаться в этих условиях собрать воедино преступления против «имущества в целом», равно как и объединить под «крышей» мошенничества посягательства против собственности различных юридических режимов, в значительной степени не совпадающих между собой по объему и содержанию собственнических правомочий и все более отдаляющихся от правил «классического» общецивилилистического прототипа, – все равно что плыть против течения.

Наконец, в УК 1996 г. сохранена ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165), «рабочий потенциал» которой в рыночной экономике неизмеримо возрастает. Если и наблюдается неоправданный либерализм в отношении изошренных форм имущественных посягательств, то прежде всего в необъяснимо мягкой санкции упомянутой статьи, тогда как ее диспозиция может стать необъятно универсальной для такого рода посягательств, если исключить из нее слова «собственнику или иному владельцу имущества». Вопрос лишь в том, чтобы показать посредством доктринального толкования всю глубину и богатство предоставляемых данной статьей возможностей противодействовать имущественным обманам в обязательственных отношениях и другим имущественным ущербам.

Объективная сторона преступлений против собственности выражается в уголовно-противоправном воздействии на имущественные предметы, причиняющем ущерб собственнику или иному владельцу данного имущества.

В большинстве случаев это воздействие проявляется в виде активных действий, и лишь причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165), а также некоторые разновидности уничтожения или повреждения чужого имущества (ст. 167–168 УК) могут совершаться путем бездействия.

В зависимости от особенностей деяния все посягательства против собственности можно подразделить на преступления, связанные с изъятием имущества, чаще именуемые хищениями (ст. 158–162, 164), и преступления, не связанные с хищением, в которых отсутствует один или несколько его признаков (ст. 163, 165–168 УК).

Большинство преступлений против собственности сформулировано по типу *материальных составов*, включающих в качестве обязательных признаков противоправное деяние, вредные последствия в виде имущественного ущерба, а также причинную связь между ними. *Формальный состав* имеют лишь разбой (ст. 162), вымогательство (ст. 163) и неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК), которые признаются оконченными с момента совершения указанных в законе действий независимо от наступления вредных последствий.

Имущественный характер *последствий* обязывает со всей тщательностью подходить к их стоимостной оценке, что имеет немаловажное значение как для квалификации, так и для решения гражданско-правовых вопросов возмещения причиненного вреда. При определении дей-

ствительной стоимости имущества, ставшего предметом преступления, следует исходить, в зависимости от обстоятельств приобретения его собственником, из его фактической цены на момент совершения преступления, а при отсутствии сведений о цене – определять его стоимость на основании заключения экспертов.⁵³

Способ совершения преступлений против собственности (тайный или открытый, обманный или основанный на злоупотреблении доверием, насильственный или безнасильственный) имеет серьезное значение для их квалификации, выступая в качестве конститутивного признака для большинства составов, позволяющего отграничивать их друг от друга, либо в качестве обстоятельства, квалифицирующего, например, грабеж (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК).

Место и время являются обязательными признаками преступлений против собственности, как, впрочем, и любых других преступлений, ибо каждое преступление совершается в определенном месте и в определенное время. Во всяком случае, автору неизвестны общественно опасные деяния, существующие вне времени и пространства как всеобщих атрибутов бытия социальной материи.

Впрочем, следует оговориться, что в доктрине уголовного права пространственно-временные признаки принято относить к числу факультативных, т. е. необязательных. И действительно, если обратиться, например, к составу кражи, то в ч. 1 ст. 158 УК, устанавливающей ответственность за это деяние, ничего не говорится ни о месте, ни о времени ее совершения. Означает ли это, что указанные признаки безразличны для квалификации содеянного по данной статье? В некотором смысле «да», но лишь до тех пор, пока мы не столкнемся с кражей, совершенной во время действия прошлого закона, уже утратившего силу к моменту рассмотрения дела, или с кражей, совершенной российским гражданином в иностранном государстве. Вот тогда-то в памяти моментально всплывают соответствующие положения Общей части УК, устанавливающие пределы действия его во времени и пространстве, почему-то до этих пор не ассоциируемые с признаками рассматриваемого состава.

На самом деле нет и не может быть составов, в которых время и пространство не включены в число признаков преступления. И прежде всего потому, что нет состава кражи вообще, а есть состав кражи по российскому, французскому, германскому и другим уголовным законам. Но состав кражи как российская модель преступного поведения применим лишь к кражам, совершаемым на российской территории, или к кражам, учиненным вне ее, но российскими гражданами. А. Н. Трайнин в свое время справедливо отмечал, что «и личность, и собственность, и все объекты ограждаются уголовным законом не “вообще”, вне времени и пространства, а всегда и всюду в системе общественных отношений» (уточним: в системе отношений данного конкретного общества).⁵⁴

Например, Воронежским областным судом Ивницкий осужден за хищение огнестрельного оружия и боеприпасов из хранилища воинской части путем разбойного нападения, а также за другие преступления, совершенные им в Эстонии. В кассационной жалобе осужденный просил приговор отменить и дело прекратить, поскольку преступлений на территории России он не совершал.

Верховный Суд РФ оставил квалификацию без изменения, сославшись на то, что в соответствии с ч. 3 ст. 12 УК лица без гражданства (каким является осужденный), не проживающие постоянно в России и совершившие преступление вне ее пределов, подлежат ответственности по российскому УК в случаях, если преступление направлено против интересов Российской

⁵³ Гражданское и торговое право капиталистических государств. М., 1993. С. 215–216.

⁵⁴ См. п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (БВС РФ. 2003. № 2).

Федерации. Из материалов же дела следует, что воинская часть, из хранилища которой было совершено хищение, находилась под российской юрисдикцией.⁵⁵

Субъект преступлений против собственности может быть вычленен из круга субъектов правоотношений собственности, каковыми являются собственник и юридически противопоставленные ему все прочие лица (несобственники), обязанные воздерживаться от нарушения его прав владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом своей волей и в своем интересе (включая и титульных владельцев имущества, обязанных воздерживаться от превышения переданных им собственником правомочий).

Для уголовного права число пассивно обязанных персон остается хотя и неопределенным, но все же не беспредельным, а ограниченным строго очерченным кругом правосубъектных лиц, которым именно уголовный закон адресует свои запреты, юридически обязывая тем самым воздерживаться от совершения предусмотренных главой 21 УК посягательств. Такими признаются лишь физические лица, совершившие преступное деяние во вменяемом состоянии и достигшие ко времени его совершения установленного возраста, а в отдельных случаях обладающие и некоторыми специальными признаками, указанными в соответствующей норме.

За многие преступления против собственности ответственность наступает по общему правилу, т. е. по достижении 16-летнего возраста. Так решается вопрос в отношении мошенничества (ст. 159), присвоения и растраты (ст. 160), хищения предметов, имеющих особую ценность (ст. 164), причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165), умышленного уничтожения или повреждения имущества без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 167) и уничтожения или повреждения имущества по неосторожности (ст. 168 УК).

Вместе с тем с учетом системных связей уголовного права с иными правовыми отраслями, не допускающими осуществления определенных функций лицами, не достигшими совершеннолетия, можно сказать, что фактически ответственность за некоторые преступления против собственности наступает с еще более старшего возраста, хотя уголовный закон и не содержит на этот счет оговорок. К таковым можно отнести мошенничество, присвоение и растрату, совершаемые лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 159, 160 УК).⁵⁶

Напротив, для некоторых имущественных преступлений⁵⁷ возраст субъекта понижен до 14 лет. Исчерпывающий перечень этих деяний закреплен в ч. 2 ст. 20 УК: кража (ст. 158), грабеж (ст. 161), разбой (ст. 162), вымогательство (ст. 163), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166), умышленные уничтожение или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 167 УК).

Установление пониженного возраста ответственности за указанные деяния объясняется не только тем, что их фактический характер и социальный смысл доступны для адекватного понимания 14-летними, но и многими другими факторами, включая: более высокую опасность данных имущественных посягательств, о чем можно судить по санкциям; более опасный способ их совершения;⁵⁸ более широкую их распространенность среди преступлений, совершаемых подростками.

⁵⁵ БВС РФ. 1998. № 9.

⁵⁶ *Трайнин А. Н.* Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 128.

⁵⁷ Несмотря на то, что автору этой идеи представляется алогичным положение, при котором лицо, принятое на службу не в соответствии с возрастом, пользуется правами, но не несет ответственности за деяния, связанные с использованием этих прав, он не учитывает, что противоправные действия (допуск к осуществлению определенных функций не в соответствии с возрастом) не могут порождать прав. Принципиальное значение в данном случае приобретает оценка самого допуска к осуществлению функций, требующих повышенного возраста. Непосредственный же причинитель должен отвечать лишь за то, что может быть ему вменено исходя из его фактического возраста.

⁵⁸ Впрочем, в теории было высказано мнение, что лицо, не достигшее соответствующего возраста, но фактически допущен-

Субъективную сторону преобладающего числа преступлений против собственности характеризует вина в виде прямого умысла. И лишь уничтожение или повреждение имущества может быть совершено с любым видом умысла либо по неосторожности (ст. 167, 168 УК).

Обязательным признаком большинства преступлений против собственности является корыстная цель, в зависимости от наличия или отсутствия которой они делятся на *корыстные* и *некорыстные*.

Дифференцированный подход к наказуемости корыстных и некорыстных посягательств обнаруживается уже в нормах древнерусского права, в которых корыстное завладение имуществом охватывалось в основном термином «татьба»,⁵⁹ а среди последних выделялись уничтожение или повреждение чужого имущества. Примерно такая же градация наблюдается и в действующем законодательстве, где почти все составы (за исключением уничтожения или повреждения чужого имущества) предполагают наличие если не корыстной цели, то корыстной мотивации.

В окончательном виде преступления против собственности, предусмотренные главой 21 УК, могут быть подразделены в зависимости от способа причинения ущерба охраняемым объектам на три группы:

1) *хищения*: кража, мошенничество, присвоение, растрата, грабеж, разбой, хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 158–162, 164 УК);

2) *иные корыстные преступления против собственности, не содержащие признаков хищения*: вымогательство, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 163, 165, 166 УК);

3) *преступления против собственности, не связанные с извлечением имущественной выгоды*: умышленное и неосторожное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167, 168 УК).

Сообразно основному критерию – важности охраняемого объекта, – положенному в основу систематизации Особенной части, структурируются и соответствующие группы преступлений в рамках ее глав. Подобно тому как в гражданском праве классификация вещных прав в зависимости от полноты их содержания начинается с самого объемного, каковым является право собственности, предоставляющее управомоченному лицу максимально возможное господство над вещью, и далее – по убывающей, так и в праве уголовном основным видом имущественных преступлений являются хищения, посягающие именно на право собственности. Существование же других видов имущественных посягательств основано на юридико-техническом приеме расчленения права собственности, выделения из него тех или иных правомочий и поставления их под специальную защиту уголовного закона.

Ранжирование статей внутри указанных групп подчинено тому же критерию иерархии ценностей. Так, иные способы обогащения за счет чужого имущества, не связанные с его хищением, начинаются с наиболее опасной формы – вымогательства (ст. 163), а преступления против собственности, не связанные с извлечением имущественной выгоды, – с умышленного уничтожения или повреждения имущества (ст. 167). Не столь очевиден этот критерий только

ное к осуществлению определенных функций, может нести ответственность за ненадлежащее их исполнение. Так, В. С. Орлов считал, что лицо, которое принято на службу вследствие преднамеренного завышения или ошибочного сокрытия им возраста, должно нести ответственность за совершение преступления, связанного с исполнением служебных обязанностей, на равных основаниях с лицами, фактически достигшими возраста ответственности заданное преступление. По его мнению, это положение вытекает из того, что лицо, незаконно принятое на службу, пользуется всеми правами и преимуществами, установленными для данной категории работников, а стало быть, должно нести и ответственность, несмотря на недостижение им предусмотренного для этой ответственности возраста (см.: Орлов В. С. Субъект преступления. М., 1958. С. 101–102).

⁵⁹ Хотя этимология данного слова и указывает на совершение хищения крадучись, тайно, им обозначали всякое ненасильственное похищение.

в ряду хищений, открывающемся отнюдь не самой опасной формой – кражей, но и здесь он присутствует.

Возможно, данная структура и не совершенна, но в ней есть логика, не заслуживающая столь нелестной оценки, которую ей дал С. М. Кочои, назвав расположение корыстных преступлений против собственности «хаотичным». Считая, что данную главу должны открывать статьи о наиболее опасных посягательствах, как это имеет место в иных главах, он предлагает расположить предусмотренные ею корыстные преступления в следующей последовательности: разбой; хищение предметов, имеющих особую ценность; вымогательство; грабеж; мошенничество; кража; присвоение или растрата; причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.⁶⁰

На деле существующее расположение статей о хищениях подчинено той же логике последовательного расположения составов от простого ко все более квалифицированным, которая наблюдается в других главах. Ведь кражу, грабеж и другие названные в российском УК формы посягательств в известном смысле можно считать разными способами совершения одного и того же преступления – хищения. И если бы в нашем законодательстве это преступление не было «растасчено» по указанным рубрикам, а рассматривалось как нечто единое и называлось соответственно хищением, то естественным было бы начать его изложение в ч. 1 одноименной статьи с простого хищения, а затем перейти к хищению с обманом, насилием, применением оружия и т. д. Разве не так обстоит дело с изложением прочих составов? Так что в логике российскому законодателю все же не откажешь.

⁶⁰ Заметим, что ни один из составов преступлений против собственности, ответственность за которые наступает с 16 лет, не предусматривает насильственных способов совершения, тогда как почти все преступления, субъектом которых являются 14-летние, предполагают физическое насилие либо в качестве конститутивного признака основного состава (ст. 162, ч. 1 ст. 163), либо в качестве квалифицирующего признака (п. «Г» ч. 2 ст. 161, п. «В» ч. 2 ст. 166 УК).

§ 3. Понятие и признаки хищения

Понятие хищения как родовое по отношению к целой группе посягательств на собственность – продукт длительного исторического развития. Подобно тому как понятию преступления предшествует формулирование составов конкретных деликтов, а понятию наказания – закрепление конкретных санкций, собирательное понятие хищения не могло сформироваться ранее, чем приобретут значение самостоятельных юридических понятий отдельные способы хищений и сложится более или менее развитый комплекс норм, требующих обобщения неких характерных для всех них признаков.

Определение общего понятия *хищения* дается в примечании 1 к ст. 158 УК, согласно которой под хищением понимаются *совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества*.⁶¹

Изложенное понятие играет роль родового по отношению к видовым понятиям кражи, присвоения и других преступлений против собственности, имеющих ряд общехарактерных объективных и субъективных признаков, объединяющих данную группу имущественных посягательств под рубрикой «хищение».

Объективными признаками хищения можно признать: 1) незаконное и безвозмездное изъятие имущества из владения собственника или иного лица, которое совершается указанными в законе способами; 2) обращение его в пользу виновного или других лиц; 3) причинение тем самым собственнику или владельцу имущества реального ущерба вследствие уменьшения на определенную часть объема материальных ценностей, находящихся в его фондах; 4) причинную связь между изъятием имущества и материальным ущербом. *Субъективными же признаками* выступают: 1) прямой умысел на безвозмездное изъятие чужого имущества и обращение его в свою пользу или в пользу третьих лиц; 2) корыстная цель такого изъятия.

Эти признаки являются обязательными для всякого хищения, и, стало быть, отсутствие хотя бы одного из них позволяет рассматривать содеянное уже не как хищение, но как иное преступление, а возможно, и как деяние, вообще не имеющее отношения к уголовному праву. А теперь рассмотрим подробнее каждый из названных признаков.

Объектом хищения являются общественные отношения по поводу имущества, юридически выраженные в правомочиях владения, пользования и распоряжения этим имуществом, которыми обладает собственник или иной его владелец, и в обязанности других лиц – не препятствовать осуществлению указанных правомочий.

Специфика некоторых способов завладения чужим имуществом при хищении такова, что они посягают не только на собственность, но и на личность собственника или владельца имущества, т. е. на отношения, связанные с телесной неприкосновенностью, свободой передвижения и действия, здоровьем и жизнью, что позволяет говорить о двуобъектности этих преступлений. К ним относятся насильственный грабеж и разбой.

Кроме того, если изъятие предмета хищения осуществлялось таким образом, что при этом было повреждено или уничтожено *иное* имущество, то содеянное (при наличии необходимых признаков) квалифицируется по совокупности хищения в отношении одного имущества и уничтожения или повреждения – в отношении другого, поскольку состав хищения не включает в себя выведение из строя не являющегося его предметом имущества. Исключение составляет взлом дверей, запоров, окон, решеток и иных препятствий, совершаемый в ходе проникновения в жилище, помещение или иное хранилище с целью кражи, грабежа

⁶¹ Заметим, что, несмотря на последующие изменения редакции статей УК, предусматривающих ответственность за хищение, сформулированное в данном примечании понятие изменений не претерпело.

или разбоя, который дополнительной квалификации не требует, поскольку умышленное уничтожение или повреждение указанного имущества в этих случаях является способом совершения хищения при отягчающих обстоятельствах, квалифицируемым только по соответствующим пунктам и частям ст. 158, 161 или 162 УК,⁶² в которых такого рода способ доступа к похищаемым ценностям уже учтен.

Последующее уничтожение или повреждение изъятого предмета хищения (в том числе для сокрытия следов преступления) есть форма распоряжения похищенным, которая также не требует самостоятельной оценки.

Наглядным в этом отношении является уголовное дело мичмана Н., который извлек из торпеды аккумуляторную батарею, содержащую чистое серебро, и с целью облегчения хищения разобрал ее на части, а в последующем вынес секции батареи за территорию воинской части.

Суд первой инстанции признал Н. виновным в тайном хищении и в умышленном уничтожении военного имущества. Однако Верховный Суд, констатируя, что хищение предполагает распоряжение похищенным, в силу чего дальнейшие действия с похищенным в дополнительной квалификации по другим статьям УК не нужны, исключил из обвинения последний состав, поскольку при совершении хищения Н. ни самой торпедой, ни контейнеру, в котором она находилась, ни другому оставшемуся в части оборудованию повреждений не причинил, а разборка похищаемой аккумуляторной батареи охватывается составом ее хищения.⁶³

Если же уничтоженное или поврежденное в связи с хищением имущество было предметом отношений, составляющих другой родовой объект, то *совокупность с хищением* образуют статьи соответствующих глав, предусматривающих посягательства на этот объект. В частности, если хищение имущества на транспорте было сопряжено с разрушением, повреждением или приведением иным способом в негодное для эксплуатации состояние транспортного средства, путей сообщения, средств сигнализации или связи либо другого транспортного оборудования, которые повлекли по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо крупного ущерба, содеянное должно квалифицироваться также по ст. 267 УК (приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения).⁶⁴

Аналогичным образом решается вопрос при хищении из нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов, вызвавшем их (а также технологически связанных с ними объектов, сооружений, средств связи, автоматики и сигнализации) разрушение, повреждение или приведение в негодное для эксплуатации состояние, которые повлекли или могли повлечь нарушение их нормальной работы. Содеянное квалифицируется в данном случае по п. «б» ч. 3 ст. 158 (или другим статьям о хищении) и ст. 215³ УК.⁶⁵

Имущество, хотя и тесно связано с понятием собственности, является не объектом, а предметом имущественного посягательства. Для определения данного предмета следует выявить его существенные признаки, необходимые для того, чтобы среди множества объектов права собственности, имеющих место в гражданском праве, выделить только те имущественные объекты, которые могут быть предметом хищения.

С позиций классической концепции «вещественной» собственности данный предмет может быть рассмотрен с трех сторон: физической, экономической и юридической.

⁶² Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 1999. С. 100.

⁶³ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по рассмотрению уголовных дел в кассационном и надзорном порядке в 1995 г.

⁶⁴ См.: п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

⁶⁵ Последняя была включена в УК Федеральным законом от 30 декабря 2006 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно- процессуального кодекса Российской Федерации».

Со стороны физической имущество как предмет похищения должно быть вещественным (телесным) предметом материального, внешнего по отношению к человеку мира, доступным благодаря своей материальной субстанции чувственному восприятию. При этом безразлично, действию каких именно чувств подвластна та или иная вещь, хотя «обыкновенно она есть предмет осязаемый, который можно взять руками, захватить».⁶⁶

От вещно-имущественных отношений в этом смысле нужно отличать интеллектуальную собственность, под которой понимается совокупность исключительных прав на результаты интеллектуальной (в первую очередь, творческой) деятельности, а также на некоторые иные приравненные к ним объекты (в частности, средства индивидуализации участников гражданского оборота и производимой ими продукции, выполненных работ или услуг), конкретный перечень которых устанавливается законодательством соответствующей страны с учетом принятых ею международных обязательств.

Исходя из того, что авторское право на произведение не связано с правом собственности на материальный объект, в котором произведение выражено, необходимо различать, с одной стороны, произведение как нематериальное благо, существующее в виде комплекса идей и образов, а с другой – вещественную форму его воплощения (рукопись, нотная запись, эскиз, картина, чертеж, фотокадр, скульптура и т. д.). Правовой режим собственности, используемый на протяжении многих веков в отношении вещей, «неприменим к нематериальным достижениям умственной деятельности, а применим лишь для материальных носителей результатов научно-технического и иного творчества».⁶⁷ При этом передача права собственности на материальный объект сама по себе не влечет передачи каких-либо авторских прав на произведение, выраженное в этом объекте, за исключением случаев, предусмотренных законом. Как тут не вспомнить пушкинское: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать».

Следовательно, о хищении таких неосязаемых и бестелесных «предметов», как научная идея, сюжет художественного произведения и др., можно говорить лишь в фигуральном смысле, помня, что в строго юридическом смысле можно похитить книгу, аудиокассету и прочие материальные носители творческого труда, а также вещественные предметы, изготовленные в силу осуществления этих прав, но не произведение, мелодию и другие подобные продукты человеческого разума как таковые. Деяния же, посягающие на исключительность авторских прав, квалифицируются по ст. 146, 147 и 180 УК.⁶⁸ Аналогичным образом должно расцениваться и «компьютерное пиратство», т. е. незаконное завладение программным обеспечением, также являющимся объектом авторских прав.

Информация всевозможного вида, так же как и интеллектуальная собственность, по своей физической природе существенно отличается от материального имущества, что не позволяет признать ее предметом хищения.

⁶⁶ Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. С. 162.

⁶⁷ См.: п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 декабря 1980 г. «О практике применения судами РСФСР законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» (БВС РСФСР. 1981. № 4).

⁶⁸ Вместе с тем имущественные и личные права авторов настолько взаимосвязаны и переплетены, что посягательства на одни из них нередко сопряжены и с нарушением отношений другого плана. Поэтому нормы о преступлениях против собственности могут задействоваться в тех случаях, когда диспозиции указанных статей оказываются бессильными, не поглощая собой всех возможных нарушений авторских прав. Скажем, в ст. 146 УК говорится лишь об одном способе нарушения юридически обеспеченной возможности лица считаться автором произведения и вытекающей отсюда возможности требовать признания данного факта от других лиц – о присвоении авторства. Существуют, однако, и другие способы посягательства на право авторства и вытекающие из него имущественные права автора – побуждение потерпевшего путем принуждения или обмана к уступке авторского права, которое таким образом может стать в первом случае предметом вымогательства, а во втором – предметом имущественного обмана, т. е. мошенничества. // Симптоматично, что в Кодексе об административных правонарушениях норма о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав (ст. 7.12) также нашла место в главе 7, посвященной деликтам в области охраны собственности.

Прежде всего информация, под которой понимаются «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления»,⁶⁹ как таковая является благом нематериальным и в этом качестве неосязаемым и не потребляемым (не амортизируемым), т. е. подвергаемым лишь моральному, но не физическому старению.

Другой особенностью информации является возможность ее практически неограниченного дублирования, копирования, тиражирования, распространения, воспроизведения, преобразования форм ее фиксации и многоадресной передачи посредством телекоммуникационных систем без потери своих качественных свойств, а также одновременной доступности множеству субъектов. В отличие от телесных предметов, каждый из которых уникален, информация как бы множественна, обладая способностью существовать одновременно в нескольких местах, у неограниченного круга лиц. Поэтому, в отличие от того, кто завладел вещью, лицо, скопировавшее информацию, не становится ее исключительным обладателем. Точно такая же информация остается и у собственника, чего в принципе не может быть при хищениях, например, денег, которые невозможно похитить, не изъяв их из предыдущего владения.⁷⁰

С тем большим основанием эта логика относится к компьютерной информации, составляющей основу современных информационных ресурсов, одновременный доступ к каждому из которых может иметь множество пользователей (независимо от места их нахождения в пространстве) при том, что сама информация, как правило, сохраняется в первоисточнике.

В связи с этим весьма спорным является суждение Б. В. Волженкина, который, отрицая возможность похищения информации, идей и иных результатов интеллектуальной деятельности, а также коммерческой тайны, товарного знака или знака обслуживания, технологии и т. п., вдруг делает неожиданную оговорку: «Однако если эта информация, идеи и т. д. зафиксированы на каком-либо материальном носителе, он является предметом хищения, стоимость которого следует определять не по цене материального носителя, а с учетом ценности зарегистрированной на нем информации».⁷¹

Бесспорно, в современном мире информация приобрела товарный характер, выступая в качестве самостоятельного объекта договорных отношений, связанных с ее сбором, хранением, поиском, переработкой, распространением и использованием в различных сферах человеческой деятельности, и обладая в этом качестве, как и всякий обычный товар, потребительской и меновой стоимостью. Однако признание информации особым предметом в уголовном праве обусловлено не только ее коммерческой ценностью, но и государственной значимостью, необходимостью защиты прав личности и т. д. Ведь диапазон сведений, содержащихся на различных носителях, простирается от конфиденциальных личных данных, могущих быть использованными для преступных целей, до государственных секретов.

В зависимости от социальной значимости информационные ресурсы могут быть предметом самых различных посягательств, в том числе не имеющих ничего общего с преступлениями против собственности. Для правильной их квалификации необходимо четкое разграничение информационных объектов с тем, чтобы увязать правовой режим защиты с правовым статусом информации, во многом определяемым уровнем ее доступности.

Изъятие чужих материальных носителей с общедоступной (свободно распространяемой) информацией может квалифицироваться как имущественное посягательство на собствен-

⁶⁹ *Зенин И. А.* Гражданское право. Общая часть. М., 1994. С. 115.

⁷⁰ Для пояснения тезиса о *неисчерпаемости* информации приходится иногда обращаться к следующему сравнению: если бы мне вздумалось поделиться с вами деньгами, чтобы пополнить ваш скудный стипендиальный бюджет, то результат был бы однозначен: в моем кошельке этих денег ubyло, а в ваших – *прибыло*. Когда же я, читая лекцию, делюсь с вами информацией, не убежден, что у вас что-то *прибывает* (хотя хотелось бы в это верить), но абсолютно уверен в том, что ничего не *убывает* у меня (кроме разве что здоровья, но это тема для другого разговора).

⁷¹ См.: ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448).

ность, если таковые носители имеют товарную ценность и обладают всеми другими признаками предмета хищения. Однако данное изъятие представляет собой не хищение информации как таковой, а хищение вещи, в качестве которой могут выступать не только библиотечные книги, журналы, архивные документы и пр., но и машиночитаемые носители информации.

В остальных случаях изъятие информационных объектов с целью овладения содержащейся в них информацией может квалифицироваться как государственная измена (ст. 275), шпионаж (ст. 276), нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137), нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138), нарушение авторских и смежных прав (ст. 146), нарушение изобретательских и патентных прав (ст. 148), разглашение тайны усыновления (ст. 155), незаконное использование товарного знака (ст. 180), незаконное получение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183) и т. д.⁷²

Более определенной представляется физическая природа таких «вещей», как вода, газ, тепловая, электрическая и прочие виды энергии, хотя вопрос относительно возможности их хищения весьма неоднозначен.

Возможность хищения жидких и газообразных веществ, замкнутых в какую-либо емкость (бутылку, баллон, кислородную подушку и т. д.), очевидна. Что касается бытовых потребителей воды и газа, уклоняющихся от их оплаты, то в УК РСФСР 1960 г. была включена отдельная ст. 94² (нарушение правил пользования энергией или газом в быту),⁷³ место-положение которой и текст диспозиции недвусмысленно указывали на то, что данная норма сконструирована как специальная по отношению к общей норме, предусматривающей ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения (ст. 94). Соответственно ныне такие действия могут квалифицироваться по ст. 165 УК.

Иное дело – *самовольное подключение* к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, а также к централизованным системам водоснабжения городских и сельских поселений.

В 2002 г. ст. 158 УК была дополнена примечанием 3, отнесшим к хранилищам, с проникновением в которые может быть совершено хищение, магистральные трубопроводы.⁷⁴ Тем самым законодатель признал, что предметом хищения может быть и транспортируемая по ним продукция – нефть, углеводородный природный газ, нефтяной (попутный) газ, стабильный газовый конденсат, широкая фракция легких углеводородов, другие углеводороды, нефтепродукты (бензины, масла, дизельное топливо, керосин, парафин) и иная жидкая и газообразная продукция, подготовленная к транспортировке согласно действующим стандартам и техническим условиям.

В 2006 г. вопрос о газообразных и жидких предметах посягательств получил еще более четкое разрешение: под хранилищем стали пониматься любые (т. е. не только магистраль-

⁷² Волженкин Б. В. Мошенничество. СПб., 1998. С. 21.

⁷³ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1986 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1986. № 23. Ст. 638.

⁷⁴ Не случайно в Модельном УК СНГ специально оговорено хищение, совершенное путем использования компьютерной техники (ст. 243), причинение имущественного ущерба путем модификации компьютерной информации (ст. 250), незаконное получение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, путем перехвата в средствах связи, незаконного проникновения в компьютерную систему или сеть либо использования специальных технических средств (ст. 269), нарушение правил обращения с содержащими государственную тайну документами или компьютерной информацией (ст. 300). // Еще дальше идут УК некоторых стран СНГ. Например, УК Кыргызстана предусматривает ответственность за нарушение авторских, смежных прав и прав патентообладателей путем выпуска под своим именем чужой программы для ЭВМ либо базы данных либо иное присвоение авторства на такое произведение, а равно принуждение к соавторству (ч. 1 ст. 150), незаконное использование программы для ЭВМ или базы данных (ч. 2 ст. 150) и ряд других преступлений, отражающих особенности их совершения с использованием технических средств.

ные) трубопроводы, а ч. 3 ст. 158 УК дополнена п. «б», предусматривающим ответственность за кражу, совершенную из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода.⁷⁵ Этот сигнал адресован более широкому кругу лиц: как внутренним самовольным пользователям трубопроводных сетей, промышлявшим «врезками» в трубопроводы, так и тем представителям стран ближнего зарубежья, которые предпочитают называть хищение газа и нефти из трансграничных (т. е. проходящих по территории двух и более государств) магистральных трубопроводов «несанкционированным отбором».

Следуя этой логике, разбой пора переименовать в «несанкционированный отбор кошелька». Но если называть вещи своими именами, такого рода «отбор» чужих нефти и газа из трубопроводных коммуникаций при наличии других объективных и субъективных признаков является хищением.

Точно так же действия, состоящие в самовольном, т. е. неразрешенном, либо прямо запрещенном подключении с помощью технических средств (устройств) к системам водоснабжения с целью изъятия из них воды для личных либо хозяйственных нужд, в том числе для производственной деятельности, полива сельскохозяйственных растений, мойки автомобилей и т. д., суть хищение этой воды.

Сложнее обстоит дело с электроэнергией. Данный термин используется для определения количества энергии, отдаваемой электростанцией в электрическую сеть или получаемой из сети потребителем, мерой которой служит киловатт-час. При этом потребление электроэнергии неотделимо от процесса ее получения, преобразования и распределения при посредстве соответствующих электротехнических устройств, сетей и прочего энергетического оборудования, отдельно от которого она существовать не может. Поэтому при незаконном использовании электрической энергией виновный не стремится обратить в свою собственность какое-то электротехническое оборудование, а использует лишь его способность вырабатывать электроэнергию, извлекая из этого материальную выгоду.

Невозможность существования электроэнергии вне энергосистемы, неотторжимость процессов ее получения от соответствующих энергетических мощностей, равно как и неотделимость процессов ее распределения и преобразования от процессов потребления, в котором, собственно, и проявляется существование электроэнергии, предопределяет и то, что электроэнергия, не обладая свойством складироваться и накапливаться, не может быть отражена в фондах (так как, согласно законам классической физики, энергия любой системы меняется непрерывно и может принимать любые значения). Потребление же электроэнергии представляет собой не «изъятие» ее из данного фонда, а преобразование из одной формы в другую, неразрывно связанное с процессом выработки электроэнергии.

В действующем КоАП самовольное подключение к энергосетям, а равно безучетное использование электрической и тепловой энергии (ст. 7.19) также обособлено от административно наказуемого хищения (ст. 7.27). Стало быть, российский законодатель все же не решился на признание энергии предметом хищения. Ввиду этого ее противоправное корыстное использование должно расцениваться как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК).

Со стороны экономической предметом хищения могут быть только такие предметы, которые обладают экономическим свойством стоимости.

Потребительская стоимость в качестве обязательного признака рассматриваемого предмета под сомнение не ставится. «Естественно, если предмет материального мира не способен удовлетворять те или иные человеческие потребности, то он и не будет предметом пре-

⁷⁵ Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2007. 10 янв.

ступного посягательства ввиду его ненужности, не востребованности».⁷⁶ С этой точки зрения не могут быть предметом хищения вещи, практически утратившие хозяйственную ценность, выброшенные собственником за ненадобностью и т. д.

Иное дело – *меновая стоимость*, вопрос о природе которой криминалистами разных эпох решался по-разному.⁷⁷

По нашему мнению, приложение человеческого труда по-прежнему сохраняет свою актуальность для перехода предметов материального мира из категории природного богатства в категорию созданных человеческим трудом товарно-материальных ценностей.

Однако общее положение, согласно которому природные ресурсы становятся имуществом, лишь овеществив в себе некоторую меру общественно необходимого труда, не является исчерпывающим критерием для их включения в число предметов хищения, поскольку в настоящее время значительная часть материальных компонентов окружающей природной среды так или иначе «профильтрована» предшествующим трудом, например, в виде лесовосстановительных работ, переселения животных, разведения и выращивания на рыбозаводах молоди ценных пород рыб для поддержания их популяции в природной среде и прочих мероприятий, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов. Но если дальнейшее существование указанных природных объектов, овеществивших собой человеческий труд (искусственные лесополосы, зеленые насаждения в городской черте, выпущенная в открытые водоемы молодь и т. п.), происходит в естественных условиях (в состоянии естественной свободы), считать их предметом хищения нельзя. Ибо целью, которая преследуется в процессе создания объектов так называемой рукотворной природы, является не введение данных объектов в товарный оборот, а восстановление или поддержание благоприятной для жизни и деятельности человека экологической ситуации. Соответственно и преступления, имеющие предметом такие природные объекты, посягают не на собственность, а на «стабильность окружающей среды и природно-ресурсный потенциал, а также гарантированное ст. 42 Конституции... право каждого на благоприятную окружающую среду».⁷⁸

Напротив, незаконное обращение в свою пользу продуктов природы, извлеченных из естественного состояния благодаря приложению труда либо хотя и сохраняющих свою связь с естественной средой обитания, но включенных в производственно-трудовой процесс и в этом качестве являющихся продукцией его незавершенного цикла, т. е. товарной продукцией, образует хищение. Таковым являются, например: завладение отловленными рыбой и водными животными либо выращиваемыми предприятиями в специально устроенных или приспособленных водоемах; завладение дикими животными и птицами, находящимися в питомниках и вольерах;⁷⁹ завладение выращенным, но еще не собранным урожаем – плодами, посевами сельскохозяйственных культур, которые, несмотря на их нахождение в естественном состоянии, также обладают стоимостью в силу того, что в них аккумулированы производственные и трудовые затраты (т. е. овеществленный и «живой» труд);⁸⁰ завладение деревьями, которые

⁷⁶ Федеральный закон от 31 октября 2002 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗРФ. 2002. № 44.

⁷⁷ Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / Отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М., 1997. С. 194.

⁷⁸ Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» (Российская газета. 1998. 24 нояб.).

⁷⁹ Подробнее об этом см.: *Бойцов А.И.* Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 133–138.

⁸⁰ То же самое можно сказать и о других продуктах производственной деятельности человека в сфере сельского хозяйства, поскольку поступления, полученные в результате использования имущества (плоды, продукция, доходы), принадлежат лицу, использующему это имущество на законном основании, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором об использовании этого имущества (ст. 136 ГК).

срублены и приготовлены к складированию, сбыту или вывозу другими лицами;⁸¹ завладение собранными ягодами и прочими обретенными трудом дарами природы.

Что касается земли, то хищение не ограниченных в обороте земельных участков возможно постольку, поскольку вообще возможно хищение объектов недвижимости. В отношении же других категорий участков приоритет в охране отдается земле как важнейшему компоненту окружающей среды и средству производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве перед использованием земли в качестве недвижимого имущества (ст. 1 Земельного кодекса).

В установлении правового режима недр основное значение также имеет не столько гражданское, сколько специальное законодательство, в соответствии с которым основной задачей государственного регулирования отношений недропользования является обеспечение посредством управления, лицензирования, учета и контроля воспроизводства минерально-сырьевой базы, ее рационального использования и охраны недр в интересах нынешнего и будущих поколений народов Российской Федерации.⁸²

В связи с этим недра (как часть земной коры в границах территории РФ, расположенная ниже почвенного слоя, а при его отсутствии – ниже земной поверхности и дна водоемов и водотоков, простирающаяся до глубин, доступных для геологического изучения и освоения) и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы являются государственной собственностью, а участки недр не могут быть предметом купли, продажи, дарения, наследования, вклада, залога или отчуждаться в иной форме, но могут быть предоставлены лишь в пользование.⁸³

Коль скоро пользователями недр могут быть и субъекты предпринимательской деятельности, которые в установленных случаях обязаны иметь разрешения (лицензии) на соответствующие виды деятельности и должны осуществлять их с соблюдением антимонопольных требований, нарушение указанных обязанностей может влечь ответственность по ст. 171 (незаконное предпринимательство) или ст. 178 УК (монополистические действия и ограничение конкуренции). Платность пользования недрами, предполагающая уплату акцизов, налогов, сборов и других предусмотренных платежей, также может быть охвачена соответствующими статьями главы о преступлениях в сфере экономической деятельности, а в случае их недостаточности – ст. 165 УК (причинение имущественного ущерба путем обмана). Распространение Закона о недрах на отношения недропользования не только на территории России, но и на ее континентальном шельфе позволяет в необходимых случаях подключить и ст. 253 УК (нарушение законодательства о континентальном шельфе). Редкие геологические обнажения, минералогические образования, палеонтологические объекты и другие участки недр, представляющие особую научную или культурную ценность, могут быть объявлены в установленном порядке геологическими заповедниками, заказниками либо памятниками природы или культуры со всеми вытекающими отсюда последствиями относительно квалификации нарушающих их сохранность деяний. Словом, самовольное пользование недрами охватывается столь многообразным комплексом норм действующего УК, что отсутствие в нем нормы, аналогичной ст. 167 УК 1960 г. (нарушение правил разработки недр и сдачи государству золота), не означает, вопреки утверждению некоторых авторов, что «преступные посягательства на недра и их содержимое» следует квалифицировать как хищение, а содержимое недр признать предметом хищения.⁸⁴

⁸¹ См.: п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения».

⁸² См.: п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения».

⁸³ См.: ст. 1² Закона «О недрах».

⁸⁴ См.: ст. 35 Закона Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. «О недрах» (в ред. Федерального закона от 3 марта 1995 г. и с изменениями на 22 августа 2004 г.).

Вместе с тем, поскольку добытые из недр полезные ископаемые и иные ресурсы по условиям лицензии могут находиться как в государственной или муниципальной, так и в частной собственности,⁸⁵ изъятие их у собственника, владельца или пользователя недр (но не из недр!), без сомнения, образует хищение.

Итак, принадлежность основных природных ресурсов государству и вытекающая отсюда их ограниченность в гражданском обороте позволяют констатировать ошибочность встречающихся в литературе утверждений о способности любых природных объектов быть предметом хищения. Земельные участки, обособленные водные объекты и другие природные ресурсы могут считаться предметом хищения лишь в той мере, в какой их оборот допускается законом, предполагающим свободное осуществление их собственником права владения, пользования и распоряжения данными объектами недвижимости. Незаконное же пользование теми объектами природы, которые остаются в собственности государства, хищения не образует. Предоставление указанных объектов хозяйствующим субъектам главным образом на праве пользования (без владения), исключающее возможность возникновения у последних ограниченных вещных прав на указанные ресурсы, почти сводит на нет и возможность применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за посягательства на вещные отношения посредством приобретения права на чужое имущество.⁸⁶

Со стороны юридической имущество как предмет хищения должно быть: 1) объектом вещного права, 2) не изъятым из свободного гражданского оборота и 3) чужим для виновного.

С правовой точки зрения указанное имущество как объект вещного права и как предмет преступлений против собственности можно подразделить на: а) вещи, б) деньги, в) ценные бумаги.

Вещи как объекты материального мира более всего соответствуют представлениям о предмете хищения. Они обладают физическими параметрами (весом, объемом, количеством) и прочими натуральными свойствами. Их эксплуатация связана с физическим господством над этими объектами, легко обособляемыми благодаря своей пространственной ограниченности. Ведь исходным для права собственности является именно правомочие владения (т. е. физического обладания вещью), от которого зависит содержание других правомочий (пользования и распоряжения). Но то, что в состоянии сделать с такого рода предметами собственник, может сделать и несобственник (похититель).

В цивилистике весьма обстоятельно разработана классификация вещей, согласно которой они делятся на: а) средства производства и предметы потребления; б) движимые и недвижимые; в) не ограниченные и ограниченные в обороте; г) потребляемые и непотребляемые; д) индивидуально-определенные и родовые; е) делимые и неделимые; ж) главные и имеющие статус принадлежности; з) плоды, продукцию и доходы; и) одушевленные и неодушевленные (ст. 129, 130, 132–137 ГК).⁸⁷ Некоторые из оснований приведенной классификации имеют значение и для уголовного права, предопределяя ограничение способности ряда вещей быть предметом любого хищения или вовсе исключая их из числа таковых. Другие никоим образом не сказываются на решении этого вопроса, но могут помочь определиться с правильной квалификацией.

⁸⁵ См.: ст. 1² Закона «О недрах».

⁸⁶ Исключение составляет, например, незаконное приобретение прав землевладельца, т. е. лица, владеющего и пользующегося земельным участком на праве пожизненного наследуемого владения, не допускающего распоряжения данным участком, за исключением перехода прав на него по наследству. Поскольку же государственная регистрация перехода права пожизненного наследуемого владения земельным участком по наследству проводится на основании свидетельства о праве на наследство (п. 2 ст. 21 Земельного кодекса), постольку фальсификация указанного документа вполне может быть квалифицирована как приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием по ст. 159 УК.

⁸⁷ См., напр.: Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / Отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М., 1997. С. 197.

Затрагивая вопрос о значимости деления имущества на движимое и недвижимое, необходимо отметить, что современное понимание объектов *недвижимости* отражено в ст. 130 ГК, которая сочетает их перечень с установлением критериев классификации, позволяющих выделить следующие виды данных объектов:

1) объективно непереключаемые природные объекты, выполняющие основную хозяйственную функцию именно в качестве недвижимых объектов, круг которых исчерпывающим образом изложен в законе (земельные участки, участки недр и обособленные водные объекты);

2) прочно связанные с землей объекты, перемещение которых без их повреждения или утраты хозяйственных свойств невозможно (поскольку в силу оценочного характера данного критерия абсолютно точное и одинаковое для всех случаев решение вопроса о прочности связи с землей невозможно, постольку закон дает лишь иллюстративный их список, указывая на леса, многолетние насаждения, здания, сооружения, но не ограничивая рассматриваемую группу перечисленным);

3) объективно движимые вещи, чье перемещение не только возможно, но и необходимо для достижения их основного экономического назначения, но, тем не менее, также считающиеся недвижимостью (подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты);

4) имущественные комплексы, используемые для осуществления предпринимательской деятельности, в качестве составных частей которых ст. 132 ГК называет все виды имущества, предназначенные для их деятельности, включая не только недвижимые (земельные участки, здания, сооружения) и движимые (оборудование, инвентарь, сырье, продукцию) вещи, но и права требования, долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (фирменное наименование, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права, если иное не предусмотрено законом или договором.

Сравнительная легкость перемещения движимых вещей с места на место, их ординарность и заменимость однородными вещами, равно как и вытекающая отсюда простота их оборота, не требующая (за редким исключением) регистрации прав на эти вещи, позволяют презюмировать едва ли не в каждом фактическом владельце данных вещей если не собственника, то добросовестного приобретателя. Напротив, нахождение недвижимых вещей в одном и том же месте, их уникальность и незаменимость, равно как и обладание ими в силу этого осложненной оборотоспособностью, означающей, что никакое вещное право на недвижимое имущество не может прекратиться или возникнуть без осуществления особого публичного акта, требующего обязательной письменной формы, нотариального удостоверения или специальной регистрации, позволяют легко установить собственника недвижимости и восстановить его нарушенные права.

При таких обстоятельствах самовольный захват недвижимости сам по себе ничего не решает. Физические свойства земельного участка и непосредственно связанных с землей и неотделимых от нее объектов таковы, что захватившее их лицо оказывается, по меткому выражению И. А. Клепицкого, «прикованным» к месту правонарушения.⁸⁸ Унести с собой то, что по определению непереключаемо, «захватчик» не в состоянии. Распорядиться же захваченной недвижимостью посредством продажи и других сделок, связанных с изменением вещных прав, он может не иначе как предварительно вступив публичным образом в права собственника на нее. В результате перед ним возникает дилемма: либо ограничиться временным (пока собственник не прибегнет к защите своих прав) владением и пользованием чужой недвижимостью, либо утвердиться каким-либо образом в статусе ее собственника и обрести тем самым весь спектр присущих последнему правомочий. В этом смысле недвижимость напоминает извест-

⁸⁸ Гражданское право. Ч. 1 / Под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. М., 1998. С. 206–214.

ный «чемодан без ручки», ставящий пред необходимостью либо бросить его и уйти, либо «приделать ручку» – такую (в случае хищения), которая юридически обеспечивает возможность хозяйственного господства псевдособственника над вещью, не требуя, чтобы он находился с ней в непосредственном соприкосновении.

В литературе также подчеркивается, что посягательство на ряд недвижимых вещей возможно не во всех формах.⁸⁹ Физические и юридические свойства, присущие некоторым видам недвижимого имущества, исключают их похищение тайным или насильственным способами, характерными для кражи, грабежа и разбоя. Например, представляется невозможным грабительское или разбойное завладение чужой квартирой в многоквартирном доме. Точно так же нельзя квалифицировать в качестве кражи самовольный захват земельного участка или водоема. Подобные объективно неперемещаемые природные объекты не могут быть предметом столь рутинных способов, поскольку сам по себе захват недвижимости, не сопровождаемый оформлением «прав» на нее, еще не образует хищения. Единственными способами хищнического обращения чужой недвижимости в свою пользу остаются «приобретение права» на нее посредством понуждения потерпевшего к передаче этого права при помощи мошеннического обмана либо принуждения его к тому при посредстве насилия и угроз, характерных для вымогательства. Но последнее только примыкает к хищению, не являясь таковым.⁹⁰

Что касается других объектов недвижимости, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно в силу прочной связанности с землей (жилые дома, здания, сооружения производственного характера, растения на корню), то завладение ими путем кражи, грабежа и разбоя в отдельных случаях может быть осуществлено посредством «обращения в движимое» (разборка и перевозка индивидуального жилого дома, снятие металлической ограды дачного участка, демонтаж линии связи и т. п.).

Однако это обстоятельство не ставит под сомнение тезис о несовместимости природы объектов недвижимости с указанными способами хищений. Для такого рода объектов значение имеет не только их связь с землей, но и функциональное назначение, которое невозможно реализовать без наличия этой связи. Прежде всего, многие из указанных вещей относятся к категории неделимых, т. е. утрачивающих в результате раздела прежнее хозяйственное назначение либо несоразмерно теряющих ценность. Следовательно, тайное, грабительское или разбойное завладение какими-то их частями (например, срезание токонесущих проводов линии электропередачи) означает не что иное, как повреждение этого имущества, квалифицируемое по совокупности с хищением изъятой части.

В принципе, многие из объектов недвижимости, сколь бы они ни были сложны и грандиозны, создаются из множества конструктивных элементов, считавшихся до этого движимыми вещами. Именно поэтому то, что построено одним человеком, как правило, может быть разобрано другим. Однако в результате соединения исходных вещей определенным образом в определенном месте и с определенной целью создается нечто качественно иное – недвижимая вещь, которая не может быть сведена к арифметической совокупности движимых вещей. Точно так же и при ее демонтаже происходит не количественное умножение объекта недвижимости, а превращение его в ряд качественно иных, движимых вещей. И даже если указанные вещи будут в дальнейшем использованы для его воссоздания на другом месте – это будет уже другой объект недвижимости.

⁸⁹ Клепицкий И. А. Недвижимость как предмет хищения и вымогательства // Государство и право. 2000. № 12. С. 12.

⁹⁰ Впрочем, некоторые считают, что подобные виды недвижимого имущества могут быть похищены не только путем обмана, но и путем насилия или угрозы (см.: Новый комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. С. Михлина, И. В. Шмарова. М., 1996. С. 242; Российское уголовное право. Особенная часть. Учебник. М., 1998. С. 138). Скорее всего, авторы путают здесь насилие, характерное для грабежа или разбоя, с насилием, характерным для вымогательства.

Самовольное же завладение недвижимым имуществом с намерением лишь фактического пользования им носит характер «временного позаимствования» и потому не может рассматриваться в качестве хищения.

Движимым имуществом признаются все не относящиеся к недвижимости вещи, включая деньги и ценные бумаги.

Деньги как предмет хищения представляют собой российские и иностранные денежные знаки, имеющие хождение, т. е. находящиеся в финансовом обороте на момент совершения преступления.

Понятие «деньги» является синонимом понятия «валюта». В соответствии же с законодательством *валюта Российской Федерации* – это: а) находящиеся в обращении в качестве законного средства наличного платежа на ее территории, а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену денежные знаки в виде банкнот и монеты Банка России; б) средства на банковских счетах и в банковских вкладах.⁹¹

К деньгам относится и *иностранная валюта*, включающая в себя: а) денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монеты, находящиеся в обращении и являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства или группы иностранных государств, а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки; б) средства на банковских счетах и в банковских вкладах в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах.⁹²

Осуществление функции официального средства обращения означает, что деньги могут быть предметом хищения лишь в том случае, если они находятся в финансовом обороте на момент изъятия, являясь законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории России,⁹³ а если речь идет об иностранной валюте – на территории соответствующего государства. Старинные банкноты и монеты (будь то российские или иностранные), не имеющие хождения в качестве средства платежа, но обладающие нумизматической ценностью, являются в этом смысле не деньгами, а вещами, что (в случае их хищения) приобретает немаловажное значение для определения размера причиненного ущерба.

Завладение поддельными деньгами, внешне содержащее все признаки завершенного хищения, тем не менее, такового не образует, представляя собой покушение на негодный предмет, которое квалифицируется по ч. 3 ст. 30 и соответствующей статье УК о хищении как деяние, непосредственно направленное на его совершение, но не доведенное до конца по независящим от виновного обстоятельствам. Если же виновному были известны свойства данного предмета и его умысел был направлен на последующий сбыт изымаемых фальшивых денег, содеянное образует приготовление к их сбыту, ответственность за которое наступает по ч. 1 ст. 30 и ст. 186 УК.

Разногласия существуют относительно природы безналичных денег. Последние, по мнению некоторых правоведов (Л. А. Лунц и др.), являются не вещественными объектами гражданского оборота, а имущественными обязательственными правами. Казалось бы, в пользу этого мнения свидетельствует ст. 128 ГК, из содержания которой вытекает вещная природа наличных денег, и ст. 140 ГК, отводящая безналичности расчетную (платежную) функцию. Однако валютное законодательство более широко пользуется понятием «безналичные денеж-

⁹¹ См.: *Бойцов А. И.* Преступления против собственности // Уголовное право. Особенная часть Учебник: В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. Н. А. Беляева, Д. П. Водяникова, В. В. Орехова. СПб., 1995. С. 230; *Устинов В. С.* Российское уголовное законодательство об ответственности за преступления против собственности (история и концепция). Н. Новгород, 1997. С. 156; *Клепцкой И. А.* Указ. соч. С. 12.

⁹² Там же.

⁹³ См.: ст. 75 Конституции РФ и ст. 140 ГК.

ные средства», что позволяет говорить о существовании как наличных денег, относимых к вещам, так и безналичных денег, которые выполняют свои функции, не являясь вещами. Следовательно, под деньгами логично понимать и средства на счетах. Во всяком случае, ряд специалистов исходит из того, что безналичность – лишь форма существования денег, которые от этого не перестают быть объектами права собственности⁹⁴. Тем более, что в ходе развития оборота безналичные деньги не просто заняли прочное место в современной экономической структуре, но настолько потеснили традиционные деньги, что вполне логичным представляется вывод о том, что «содержанием денежного обязательства наряду с уплатой наличных денег может являться и безналичное перечисление средств»⁹⁵.

В связи с этим представляется правильной позиция Верховного Суда РФ, разъяснившего, что в соответствии со ст. 140 ГК платежи на территории России осуществляются путем не только наличных, но и безналичных расчетов, т. е. находящиеся на счетах в банках денежные суммы могут использоваться в качестве платежного средства. Исходя из этого с момента зачисления денег на банковский счет лица оно получает реальную возможность распоряжаться поступившими средствами по своему усмотрению, например осуществлять расчеты от своего имени или от имени третьих лиц, не снимая денежных средств со счета, на который они были перечислены в результате обмана или злоупотребления доверием с его стороны.

Следовательно, представление в банк поддельных платежных поручений или заключение кредитного договора под условием возврата кредита, которое лицо не намерено выполнять, и другое безвозмездное обращение в свою пользу или в пользу других лиц денежных средств, находящихся на счетах в банках, совершенное с корыстной целью, должно квалифицироваться как мошенничество, которое следует считать оконченным с момента зачисления этих средств на счет лица, которое путем обмана или злоупотребления доверием изъяло денежные средства со счета их владельца, либо на счета других лиц, на которые похищенные средства поступили в результате преступных действий виновного⁹⁶.

Аналогичным образом решается вопрос, если для обналаживания и снятия с банковского счета денежных средств используются персональные компьютеры, обеспечивающие несанкционированный доступ и манипуляцию данными банка в целях хищения, а также поддельные кредитные карточки на основе магнитного носителя и микропроцессорного документа, позволяющие похищать наличные деньги из уличных банкоматов, и другие инструменты перевода безналичных денежных средств в наличные. Сами же «электронные формы расчетов», если под ними имеются в виду пластиковые кредитные или расчетные карты, которые в условиях рыночной экономики во все больших масштабах используются в товарно-денежном обороте в качестве обезличенных расчетных средств платежа, не могут составлять предмет окончательного хищения.

В случаях, когда указанные деяния сопряжены с неправомерным внедрением в чужую информационную систему или с иным неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации кредитных учреждений либо с созданием заведомо вредоносных программ, внесением изменений в существующие программы, использованием или распространением вредоносных программ для ЭВМ, содеянное подлежит квалификации по ст. 159 УК, а также, в зависимости от обстоятельств дела, по ст. 272 или 273 УК, если в результате неправомерного доступа к компьютерной информации произошли уничтожение, блокирова-

⁹⁴ См.: ст. 1 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. «О валютном регулировании и валютном контроле» (с изменениями на 18 июля 2005 г.).

⁹⁵ Лавров Д. Г. Денежные обязательства в российском гражданском праве. СПб., 2001. С. 28, 29.

⁹⁶ См.: Ефимова Л. Правовые аспекты безналичных денег // Закон. 1997. № 1. С. 97; Олейник О. Банковский счет: законодательство и практика // Там же. С. 95.

ние, модификация либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети⁹⁷.

Ценные бумаги (оборотные документы – по терминологии, принятой в англо-американском праве) представляют собой документы, удостоверяющие с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при их предъявлении (п. 1 ст. 142 ГК).

С передачей ценной бумаги новому обладателю переходят и все удостоверяемые ею права (на получение конкретной денежной суммы, дохода в виде дивидендов или процентов, определенного имущества и т. п.), неразрывно связанные с данным документом. Поэтому, оставаясь платежными документами (чеки, векселя и т. д.), фондовыми ценностями (акции, облигации) и другими долговыми обязательствами, сами они превращаются в особого рода товары, «цена которых имеет особое движение и особым образом устанавливается».⁹⁸

Выполнение ценными бумагами указанных функций, обеспечиваемое совокупностью присущих им свойств (определенная законом форма, необходимые реквизиты, публичная достоверность, возможность их передачи другим лицам), отличает данные документы от долговых расписок, страховых полисов, завещаний и других (также подтверждающих различные субъективные гражданские права) юридических документов. Последние остаются исключительно в сфере обязательственного права, тогда как ценные бумаги, закрепляя права требования, тем не менее, рассматриваются как движимые вещи, признаваемые объектами купли-продажи, хранения, залога и иных имущественных сделок, совершаемых с вещественными объектами.

Подобно деньгам ценные бумаги могут быть как в российской, так и в иностранной валюте. Кроме того, для их классификации используются и другие основания, в зависимости от которых выделяются эмиссионные и неэмиссионные, государственные и частные, денежные и товарные, а также предъявительские, именные и ордерные ценные бумаги.

Предъявительской является такая ценная бумага, из содержания или формы которой следует, что лицом, уполномоченным на осуществление выраженного в ней права, признается любой предъявивший ее держатель. При этом должник обязан предоставить исполнение владельцу такой бумаги, не требуя, кроме ее предъявления, какой-то дополнительной легитимации. Для передачи прав, удостоверяемых означенной бумагой, достаточно простого ее вручения другому лицу без выполнения каких-либо формальностей.⁹⁹

Повышенная оборотоспособность предъявительских бумаг, переход прав на которые и осуществление закрепленных ими прав не требуют идентификации их владельца, предопределяет способность такого рода документов быть предметом окончательного хищения. Коль скоро любое лицо, фактически завладевшее этими документами, беспрепятственно может реализовать удостоверенное ею право или переуступить его другому лицу (путем простой передачи

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ См.: п.12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (Российская газета. 2008. 12 янв.).

⁹⁹ Конкретными видами такого рода документов являются: а) *облигации*, удостоверяющие отношения займа между эмитентом, являющимся должником, и владельцем, являющимся кредитором и в качестве такового имеющим право на получение от лица, выпустившего облигацию, ее номинальной стоимости и зафиксированного в ней процента от этой стоимости или иного имущественного эквивалента; б) *акции*, удостоверяющие право держателя (акционера) на получение части прибыли акционерного общества в виде дивиденда, на участие в управлении акционерным обществом и на часть имущества, остающегося после его ликвидации; в) *банковские сберегательные книжки на предъявителя*, подтверждающие внесение в банковское учреждение денежной суммы и удовлетворяющие право на ее получение в соответствии с условиями вклада; г) *приватизационные чеки* и другие ценные бумаги, которые используются в качестве платежного средства для приобретения объектов приватизации и в качестве таковых могут свободно продаваться и покупаться без ограничения количества, не утрачивая, однако, своего целевого назначения.

бумаги), то преступное завладение «бумажными дубликатами действительного капитала»¹⁰⁰ ничем не отличается от хищения самого капитала.

Иначе обстоит дело с *именной* бумагой, указывающей на конкретное лицо, которое может осуществить выраженное в ней право.¹⁰¹ Передача удостоверенных в таком документе прав другим лицам связана с выполнением целого ряда формальностей и специально усложненных процедур, что делает этот вид ценных бумаг малооборотоспособным. Поэтому незаконное завладение именными бумагами (удостоверяющими права, которые могут принадлежать лишь названному в ней лицу) само по себе (без дополнительных усилий по легитимации себя в качестве данного лица или его законного представителя) еще не дает возможности для реализации выраженного в них права.

Особенно важен этот подход в отношении *ордерных* ценных бумаг (ордерные коносаменты, переводные векселя, чеки и др.), своеобразие которых состоит в том, что должник обязан исполнить обязательство либо указанному в документе лицу, либо по его распоряжению (ордеру, приказу, оформляемому посредством передаточной надписи на оборотной стороне документа) иному лицу. Таким образом, ордерная бумага, с одной стороны, как и именная, выписывается на определенное лицо, а с другой – ее владельцу предоставляется не обремененная особенными формальностями возможность передачи прав по ценной бумаге другому лицу, которое, в свою очередь, вправе посредством аналогичного распоряжения передать документ дальше и т. д., в связи с чем оборотоспособность ордерных бумаг в целом является более или менее высокой.

Определенное значение для квалификации могут иметь также формы эмиссионных ценных бумаг: *документарная*, при которой владелец устанавливается на основании предъявления оформленного надлежащим образом сертификата ценной бумаги, а в случае его депонирования – на основании записи по счету депо, либо *бездокументарная*, при которой владелец устанавливается на основании записи в системе ведения реестра владельцев ценных бумаг, а в случае депонирования последних – на основании записи по счету депо.

Поскольку операции с бездокументарными ценными бумагами могут совершаться только при обращении к лицу, которое осуществляет официальную фиксацию прав и правообладателей, неся ответственность за совершение официальных записей о проведенных операциях, обеспечение их сохранности и конфиденциальности, а также за представление правильных данных о таких записях, постольку возможность хищения таких ценных бумаг практически маловероятна.

Помимо «классических» ценных бумаг, прямо названных в ст. 143 ГК,¹⁰² судебная практика признает предметом хищения и некоторые другие предъявительские документы, выполняющие роль денежного эквивалента при расчетах за определенные товары, работы или услуги: талоны на горюче-смазочные материалы, абонементные книжки, единые проездные билеты и проездные талоны на различные виды транспорта, жетоны для оплаты проезда в метро, знаки почтовой оплаты и пр.

С экономической точки зрения названные предметы, как считают некоторые авторы, «по существу являются суррогатом валюты и выполняют в строго ограниченных пределах

¹⁰⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 9.

¹⁰¹ В качестве именной ценной бумаги могут фигурировать: а) *чеки*, содержащие письменное распоряжение чекодателя банку уплатить держателю чека указанную в нем сумму; б) *векселя*, удостоверяющие обязательство векселедателя (простой вексель) либо иного указанного в векселе плательщика (переводной вексель) выплатить определенную сумму владельцу векселя – векселедержателю; в) *депозитный и сберегательный сертификаты*, представляющие собой письменное свидетельство банка о вкладе денежных средств и удостоверяющие право вкладчика на получение по истечении установленного срока суммы вклада и процентов по ней в любом учреждении данного банка; г) *коносаменты*, т. е. товаро-распорядительные документы, удостоверяющие право держателя распоряжаться указанным в коносаменте грузом, а также получить его после завершения перевозки и обязанность перевозчика выдать груз предъявителю коносаменту.

¹⁰² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 19.

функцию средства платежа»,¹⁰³ имеющего номинальную стоимость, равную цене соответствующего имущества, услуги или работы, т. е. заменяют собой обычные деньги, имея обращение лишь в определенной сфере. С точки же зрения юридической они представляют собой особую разновидность документов, удостоверяющих определенные имущественные права их обладателей, осуществление которых возможно только при их предъявлении. Именно поэтому Верховный Суд разъяснил, что «действия лиц, совершивших хищение талонов на горючие и смазочные материалы, которые непосредственно дают право на получение имущества, а равно хищение абонементных книжек, проездных и единых билетов на право проезда в метро и на других видах городского транспорта, находящихся в обращении как документы, удостоверяющие оплату транспортных услуг, независимо от использования похищенных знаков по назначению или сбыта их другим лицам, должны квалифицироваться как оконченное преступление».¹⁰⁴

Иначе расценивается завладение бланками билетов для проезда на железнодорожном, воздушном, водном и автомобильном транспорте, которые без соответствующего оформления (или, как говорит ст. 142 ГК, «без обязательных реквизитов») не являются носителями стоимости. Поскольку подобного рода документы могут быть использованы по назначению лишь после внесения в них дополнительных данных (заполнение текста, скрепление печатью, компостирование и т. п.), как таковые они не могут быть предметом хищения. Решение вопроса о квалификации завладения ими во многом зависит от направленности умысла на их дальнейшее использование:

а) изъятие бланков билетов с целью их личного использования по назначению как документов, подтверждающих оплату транспортных услуг, надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 30 и ст. 165 как приготовление к причинению имущественного ущерба путем обмана, а в случаях фактического их использования – по ст. 165 УК;

б) в случаях подделки похищенных бланков билетов и сбыта их гражданам содеянное должно квалифицироваться как подделка документов (ст. 327) и мошенничество (ст. 159 УК);

в) действия лиц, изъывших бланки билетов с целью реализации через уполномоченных на то работников транспорта и присвоения вырученных средств, могут квалифицироваться как приготовление к хищению, а в случаях их частичной или полной реализации – соответственно, как покушение либо оконченное хищение, предметом которого являются не документы как таковые, а деньги, полученные от их продажи;

г) в случаях подделки похищенных билетов и предъявления их транспортной организации для возврата денег под видом отказа от поездки, опоздания к отправлению (вылету) или под другим фиктивным предлогом содеянное должно квалифицироваться как подделка документов (ст. 327) и покушение на мошенничество или оконченное мошенничество в зависимости от стадии преступной деятельности (ст. 159 УК).¹⁰⁵

Что касается билетов, предназначенных для продажи кассирами трамваев, троллейбусов и других городских транспортных средств, то они не нуждаются в каком-либо дополнительном оформлении, но возможности их личного использования практически ничтожны. Как таковые они могут представлять интерес лишь в целях последующей реализации через уполномоченных на то работников транспорта и присвоения вырученных от продажи денег. Соответственно изъятие данных билетов следует квалифицировать как приготовление к хищению, а в случаях

¹⁰³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М., 1996. С. 334–335.

¹⁰⁴ Кстати, заметим, что указанный перечень не является исчерпывающим, поскольку законом к ценным бумагам могут быть отнесены и другие документы, отвечающие требуемым признакам.

¹⁰⁵ Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 декабря 1980 г. (вред. от 6 февраля 2007 г.) «О практике применения судами РСФСР законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» (БВС РФ. 2007. № 5).

частичной или полной реализации похищенных документов – как покушение либо оконченное хищение денежных средств.

Иные документы, которые, не являясь носителями стоимости, представляют право на получение имущества (доверенности, долговые расписки, страховые полисы, завещания, товарные накладные, сохранные расписки, квитанции, выдаваемые поклажедателю в подтверждение принятия вещи на хранение в камеру хранения, документы, удостоверяющие право клиента на доступ к сейфу и его содержимому, или иные документы, подписанные хранителем и удостоверяющие принятие вещи на хранение ломбардом, банком, и пр.), а также легитимационные знаки (номерные жетоны гардеробов и камер хранения либо иные знаки, удостоверяющие прием вещей на хранение) могут служить лишь средствами совершения хищения.

С тем большим основанием не могут рассматриваться в качестве предмета преступлений против собственности документы неимущественного характера. Ответственность за хищение официальных документов, штампов или печатей, пусть даже совершенное из корыстной заинтересованности, наступает по ст. 325 УК, посягающей на иной объект – порядок управления.

Заметим к тому же, что указанные предметы не участвуют в гражданском обороте, тогда как признак вовлеченности в оборот весьма важен, поскольку вещи, изъятые из обращения или ограниченные в обороте, по общему правилу, не могут рассматриваться в качестве предмета хищений. Хотя они и обладают экономическим свойством стоимости, совершаемые с ними действия нарушают не столько имущественные отношения, сколько специальный правовой режим, установленный относительно указанных вещей.

К ограниченным в гражданском обороте или изъятым из него относятся отдельные предусмотренные международно-правовыми либо внутригосударственными нормативными актами виды имущества, которые по соображениям общественной или государственной безопасности, а также в соответствии с принятыми международными обязательствами не могут быть предметом свободного оборота.

Именно поэтому ответственность за хищение ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221), ядерного, химического, биологического или других видов оружия массового поражения, а равно материалов или оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения (ч. 2 ст. 226), огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ч. 1 ст. 226), наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229), официальных документов, штампов или печатей (ч. 1 ст. 325), паспорта или других важных личных документов (ч. 2 ст. 325), а также марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия (ч. 3 ст. 325 УК) предусмотрена в других главах. Существо данных деяний заключается не столько в нанесении имущественного ущерба собственнику (хотя он присутствует в каждом из указанных посягательств), сколько в создании угрозы общественной безопасности (при хищении радиоактивных веществ и оружия), здоровью населения (при хищении наркотических средств и психотропных веществ), а также порядку управления (при хищении официальных документов, штампов и печатей).

Велико значение оборотоспособности и для квалификации посягательств на такие природные объекты, как земельные участки, водные объекты, леса, недра и т. п. Последние могут быть предметом хищения лишь в той мере, в какой они вовлечены в гражданский оборот, становясь объектами частной собственности. Незаконная же эксплуатация природных ресурсов, находящихся в государственной и муниципальной собственности, охватывается целым комплексом других норм УК, причем формулирующих не только экологические преступления, но и преступления в сфере экономической деятельности и даже преступления против собственности (ст. 165 УК).

Чужим является такое имущество, которое находится на момент изъятия в фактическом обладании какого-либо физического или юридического лица и не принадлежит похитителю по праву собственности.

Для признания того или иного имущества чужим для виновного не требуется, чтобы оно принадлежало на праве собственности тому лицу, у которого изымается. Имущество, вверенное лицу на определенном правовом основании (например, для целей его ответственного хранения или перевозки), также остается для него чужим, несмотря на то, что он наделяется в отношении данного имущества определенными правомочиями. Незаконное удержание у себя или израсходование такого имущества образует присвоение или растрату. Поэтому представляется некорректным разъяснение Верховного Суда РФ о том, что предметом хищения является «чужое, то есть не находящееся в собственности или законном владении виновного, имущество».¹⁰⁶

Некоторые авторы допускают возможность совершения преступных действий в отношении своего имущества, приводя в качестве примера акты завладения собственным, но переданным в чужое владение имуществом с целью потребовать возмещения за якобы причиненный ущерб.¹⁰⁷ Однако такого рода случаи не нарушают правила о невозможности похищения собственного имущества, поскольку изъятие такового собственником в рассматриваемых случаях является лишь приготовлением к завладению материальными средствами, призванными возместить причиненный мнимой утратой ущерб. Следовательно, в качестве предмета хищения здесь выступает все же не свое, а изымаемое под видом компенсации имущество другого лица, т. е. опять-таки чужое. Изъятие же своего имущества служит лишь для создания видимости законности выплаты компенсации.¹⁰⁸

Для признания имущества чужим достаточно, чтобы виновный не имел ни действительного, ни предполагаемого права на обращение с ним как со своим собственным. Поэтому хищение образует изъятие имущества не только у его собственника или титульного владельца, но и у незаконного обладателя, например у лица, ранее похитившего это имущество.

Особую значимость приобретает вопрос о «чужом» и «своем» имуществе в отношении многосубъектной собственности, являющейся объектом гражданско-правовых отношений между *сособственниками*.

Хищение имущества сособственников, совершенное третьим лицом, ничем (кроме числа потерпевших) не отличается от хищения имущества единоличного собственника, тогда как юридическая оценка незаконного распоряжения совместным имуществом одним из сособственников в ущерб другому не столь однозначна. Во многом она зависит от вида общей собственности – долевой или совместной, которые закрепляет п. 2 ст. 244 ГК.

В совместной собственности доли ее участников заранее не определены, существуя лишь в потенции, реализуемой при разделе общей собственности или выделе из нее. Бездолевой характер данного вида собственности позволяет более категорично отрицать возможность посягательства на нее одним из сособственников. Как в прежней, так и в нынешней литературе практически единодушно утверждается, что предметом рассматриваемых преступлений

¹⁰⁶ См.: п.6 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 декабря 1980 г. «О практике применения судами РСФСР законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте».

¹⁰⁷ Пинаев А. А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Харьков, 1975. С. 51; Тишкевич И. С. Уголовно-правовая охрана личной собственности граждан. Минск, 1988. С. 9.

¹⁰⁸ Как правильно пишет Б. С. Никифоров, «если субъект, сдавший имущество на хранение другому лицу, затем тайно похищает это имущество или получает его посредством обмана, чтобы предъявить к хранителю претензию о возмещении причиненного собственнику “ущерба”, он должен быть привлечен к уголовной ответственности за приготовление к мошенничеству». А далее он заключает: «Нетрудно, однако, видеть, что в этом случае посягательство имеет своим предметом не имущество, принадлежащее виновному, а имущество, принадлежащее бывшему хранителю» (Никифоров Б. С. Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР. М., 1954. С. 38).

не может быть имущество, принадлежащее лицу на праве совместной собственности.¹⁰⁹ В ГК закреплено лишь два вида такой собственности – собственность супругов и членов крестьянского (фермерского) хозяйства.

Действующее российское законодательство не содержит специальных положений о пределах уголовной ответственности за имущественные правонарушения в семье.¹¹⁰ Решающим критерием допустимости ответственности за внутрисемейные хищения продолжает оставаться правовой режим имущественных отношений, регулируемых семейным, а в необходимых случаях и гражданским законодательством (ст. 4 Семейного кодекса). Отсюда необходимо выяснять, является ли имущество, ставшее предметом нарушения, совместной собственностью супругов или индивидуальной собственностью одного из них, и в зависимости от этого решать вопрос о правовых средствах разрешения конфликта.

Установленный в ряде норм СК режим раздельной собственности допускает уголовную ответственность за имущественные правонарушения в семье, поскольку имущество, принадлежащее одному из супругов, является чужим для другого.

На раздельном режиме основаны также имущественные отношения между родителями и детьми, поскольку, согласно ст. 60 СК, ребенок не имеет права собственности на имущество родителей, а родители – на имущество ребенка (например, полученное им в дар или в порядке наследования, а также приобретенное на его средства). Из этого следует, что самовольное изъятие родительского имущества, равно как и детского, при известных условиях может составить признаки хищения.

Ситуация изменится, как только родители и дети перейдут на режим общей собственности, что допускается п. 5 ст. 60 СК. Да и супругам, заключившим брачный договор о режиме долевой или раздельной собственности, также ничто не препятствует в любое время расторгнуть его или изменить, установив режим совместной собственности (ст. 34 СК). Соответственно незаконное распоряжение общим имуществом одним из них станет ненаказуемым, так как предметом правонарушения становится совместное (т. е. собственное), а не чужое имущество.

Завершая характеристику предмета хищения, нельзя не отметить, что особые проблемы с его определением возникают при анализе мошенничества, которое содержит указание не только на хищение имущества, но и на приобретение права на него. Поэтому практически во всех литературных источниках, которые удалось обозреть, в качестве еще одного предмета мошенничества называется *право на имущество*. Предлагается даже изменить редакцию ч. 1 ст. 159 УК таким образом, чтобы она в полной мере отвечала этим взглядам, а именно: «Хищение чужого имущества или права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием».¹¹¹

Юридическая некорректность данной формулировки очевидна. Ясно, что право собственности ни в субъективном его смысле (как юридически обеспеченная мера возможного

¹⁰⁹ Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. «О некоторых вопросах применения уголовного законодательства об ответственности за преступления против собственности».

¹¹⁰ В свое время попытки утвердить некоторые начала диспозитивности в данной сфере предпринимались со стороны Верховного Суда СССР, который в п. 15 постановления Пленума от 3 декабря 1976 г. «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» разъяснил: «Не должны применяться меры уголовного наказания к несовершеннолетним за кражи у родителей или других совместно проживающих с ними членов семьи, если сами потерпевшие не обращались в соответствующие органы с просьбой о привлечении подростков к уголовной ответственности» (БВС СССР. 1977. № 1). Однако в сменившем его 14 февраля 2000 г. постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» аналогичного положения не содержится (см.: Российская газета. 2000. 14 марта).

¹¹¹ См., напр.: *Владимиров В. А.* Квалификация похищений личного имущества. М., 1974. С. 28; Уголовное право. Особенная часть. Учебник / Под ред. А. И. Рарога. М., 1996. С. 113; Новый комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. С. Михлина, И. В. Шмарова. М., 1996. С. 242; *Хабаров А. В.* Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 1999. С. 17.

поведения собственника по отношению к принадлежащему ему имуществу), ни тем более в объективном (как система правовых норм, регулирующих отношения по владению, пользованию и распоряжению данным имуществом) похищено быть не может. В результате хищения потерпевший лишается не права собственности, а фактической возможности использовать имеющиеся у него правомочия в отношении этого имущества вследствие его изъятия. Поэтому право на имущество не может быть отнесено к числу предметов хищения.

Настаивая на том, что предметом всех хищений могут быть исключительно вещи, причем не только в тех статьях, где говорится об имуществе, но и в тех, где говорится о праве на имущество, считаю возможным обосновать этот тезис тем, что в качестве своего объекта хищения имеют вещные отношения, в которых отношения собственности занимают центральное место, хотя вещные права не ограничиваются только правом собственности. Тезис же о несводимости вещных отношений к отношениям собственности и необходимости в связи с этим различать две разновидности отношений по владению, пользованию и распоряжению вещественными объектами позволяет заключить следующее: любое хищение нарушает отношения собственности, поскольку оно представляет собой незаконное и безвозмездное изъятие чужого имущества, но не любое незаконное и безвозмездное изъятие чужого имущества нарушает отношения собственности, коль скоро оно может быть совершено у лица, владеющего данным имуществом в объеме правомочий субъекта ограниченного вещного права.

Иными словами, в тех случаях, когда похититель ставит себя на место собственника, претендуя на всю полноту его власти, он нарушает отношения собственности, безотносительно к тому, у кого он изымает имущество (у самого ли собственника или иного владеющего им лица). Когда же лицо мошенническим или характерным для вымогательства образом ставит себя только на место субъекта ограниченного вещного права, не претендуя на ту меру власти, которая закрепляется за собственником, отношения собственности ущерба не терпят, поскольку собственником данной вещи остается все тот же «маячивший за спиной» носитель ограниченного вещного права субъект, но отношения ограниченного вещного права, безусловно, от этого страдают. Поэтому в первом случае можно говорить об изъятии имущества из фонда собственника, т. е. о его похищении, предполагающем замену подлинного собственника псевдособственником и потому нарушающем отношения собственности, а во втором – только о приобретении виновным ограниченного вещного права на данное имущество, нарушающем вещные отношения в более широком смысле этого слова, но все же не затрагивающем статус собственника и не ставящем под сомнение отношения собственности как таковые. Думается, на этом и основано различие между понятиями «хищение чужого имущества» и «приобретение права на чужое имущество».

Однако в судебной практике данное право не всегда получает уголовно-правовую защиту. Так, Махмудов был признан виновным в том, что путем мошенничества приобрел право на жилую площадь Авдеевых. Указав на ошибочность его осуждения за хищение, Верховный Суд РФ мотивировал свое решение тем, что Авдеевы не являлись ни собственниками, ни владельцами квартиры, которая находилась в ведении и в собственности департамента муниципального жилья правительства Москвы. Поэтому смена нанимателей квартиры не причинила ущерба собственнику имущества, тогда как ответственность за хищение, одним из видов которого является мошенничество, наступает только при причинении ущерба собственнику или владельцу имущества. Таким образом, между Махмудовым и Авдеевыми имелись гражданско-правовые отношения, регулируемые жилищным законодательством.¹¹²

Но если право нанимателя жилого помещения в государственном и муниципальном жилищном фонде квалифицировать в качестве ограниченного вещного (а это представляется

¹¹² Складов С. Уголовная ответственность за хищение недвижимого имущества. С. 52, 53.

вполне обоснованным), то оно должно подлежать такой же защите, как и права собственника на приватизированное им жилое помещение.¹¹³

Суммируя изложенное, можно сказать, что *имущество как предмет хищения – это вещи, деньги, ценные бумаги и другие обладающие стоимостью предметы материального мира, по поводу которых существуют отношения собственности или иные вещные права.*

С *объективной стороны* хищение представляет собой противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Общественно опасное *деяние* посягательств на вещные отношения выражается в изъятии и (или) обращении чужого имущества в пользу виновного или других лиц либо в приобретении права на чужое имущество.

Говоря о формах незаконного перемещения имущества от собственника к несобственнику, нельзя не заметить, что в одних случаях оно осуществляется посредством примитивного захвата чужой вещи, откровенно попирающего права собственника и не нуждающегося в каком-либо правовом обосновании. Здесь главное – обеспечить себе хозяйственное господство над вещью, т. е. завладеть ею. Отсутствие же претензий со стороны собственника или других лиц обеспечивают анонимность похитителя или неизвестность его местонахождения и презумпция законности фактического владения – предположение о том, что тот, у кого вещь находится, имеет право на владение ею, пока не доказано обратное. Такого рода процесс воздействия на предмет, типичный для кражи, грабежа и разбоя (если нападение завершается завладением предметом), и называется *изъятием*, трактуемым в узкофизическом смысле – как противоправное извлечение (исключение, удаление, выведение) имущества из владения собственника с одновременным переводом его в фактическое незаконное обладание похитителя или других лиц.

Другой процесс воздействия на предмет, который типичен для присвоения и растраты, совершаемых в отношении вверенного имущества и потому не требующих его физического изъятия, коль скоро оно и так уже находится во владении виновного, называется *обращением* чужого имущества в свою пользу или в пользу других лиц.

Следовательно, *изъятием* можно считать не только физическое извлечение и удаление имущества из чьего-либо обладания, но и юридическое обособление имущества, находящегося в обладании виновного на законных основаниях. Например, когда заведующий складом незаконно списывает хранящиеся на складе вещи, изменяется не местоположение их в пространстве, а отношение к ним виновного, который юридически правомерное владение данными вещами трансформирует в противоправное обладание. Такой переход от правомерного владения к неправомерному иногда называют «формальным изъятием».¹¹⁴ Несмотря на то, что фактически вещи продолжают находиться на тех же стеллажах, юридически их уже не существует для собственника, ибо они числятся как изъятые с места их нахождения и уничтоженные

¹¹³ Этот вывод был сделан до принятия 29 декабря 2004 г. нового Жилищного кодекса (см.: *Бойцов А. И.* Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 224). Последний устанавливает, что по договору социального найма предоставляются жилые помещения, принадлежащие на праве собственности Российской Федерации ее субъектам, а также находящиеся в собственности муниципальных образований (ст. 49). При этом пользование жилым помещением по договору социального найма предполагает и владение этим помещением (п. 1 ст. 60). Более того, хотя среди правомочий нанимателя в данной статье не названо право распоряжения занимаемым помещением, однако, как следует из других норм, регулирующих социальный найм, наниматель вправе осуществлять и ряд распорядительных правомочий, например, вселять в помещение иных лиц, сдавать его в поднаем, разрешать проживание временных жильцов, осуществлять обмен или замену занимаемого жилого помещения. Вышеприведенные отличительные признаки договора социального найма позволяют считать граждан-нанимателей субъектами ограниченного вещного права. Следовательно, завладение их жильем путем каких-либо махинаций (допустим, при обмене) может квалифицироваться как приобретение права на чужое имущество путем обмана, т. е. хищение в форме мошенничества.

¹¹⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению уголовных дел в порядке надзора от 20 октября 1997 г. // ВВС РФ. 1997. № 11.

по акту за непригодностью. Следовательно, в присвоении вверенного имущества также можно усмотреть его изъятие у собственника. Отражая внешнюю сторону процесса обретения власти над чужим имуществом при неизменности его местоположения, такого рода «формальные» действия отражают и содержательное существо изъятия – фактическую смену собственника.

Особенно нагляден формально-юридический характер изъятия при мошенническом завладении товарораспорядительными документами (коносаменами, грузовыми накладными, складскими свидетельствами и т. п.), передача которых приравнивается, согласно п. 3 ст. 224 ГК, к передаче вещи, что влечет и переход права собственности на нее, безотносительно к тому, что сами товары продолжают находиться на складе.

Подобное же изъятие (именно изъятие, а не приобретение права на чужое имущество) характерно для мошеннического завладения объектами недвижимости, выведение которых из имущественного фонда собственника невозможно без «юридического сопровождения» – соответствующего оформления перехода права собственности. В отличие от «*физического*» изъятия, характерного для кражи, грабежа и разбоя, а также от «*формального*» изъятия, свойственного присвоению и растрате, такую форму можно назвать «*юридическим*» изъятием, при котором прежний собственник может даже остаться фактическим владельцем имущества (например, продолжать жить в квартире), тогда как юридически «права» владения, пользования и распоряжения данным имуществом уже принадлежат преступнику.

Следовательно, хищение как изъятие чужого имущества не включает в себя с необходимостью фактическое завладение им, юридически опосредствующее презумпцию законности владения. Изъятие имущества может произойти и без его перемещения в пространстве с его постоянного или временного местонахождения (как это происходит при хищении недвижимости).

С этой точки зрения, выделение в понятии хищения «*обращения*» чужого имущества в пользу виновного или других лиц не столь уж необходимо, так как невозможно обратить чужое имущество в чью-либо пользу, не изъяв его из фонда собственника. Поэтому основой, характеризующей хищение с объективной стороны, в какой бы конкретной форме оно ни осуществлялось, является именно «изъятие», которое не только отражает внешний процесс противоправного воздействия на предмет преступления, но и указывает на механизм причинения вреда его собственнику, поскольку изъятие всегда связано с незаконным переходом имущества от собственника к несобственнику.

Криминалистическое же «приобретение права на чужое имущество» корреспондирует с гражданско-правовым «правом на чужие вещи», каковым по определению являются ограниченные вещные права. Завладение такого рода «чужими вещами» также предполагает их изъятие, но не у собственника, а у владельца, и не физическое, а «юридическое».

Поскольку для вменения хищения необходимо установить, что преступник завладел чужим имуществом, которое к моменту его изъятия находилось в собственности или во владении другого лица (т. е. уже вошло во владение последнего и еще не выбыло из него), важное значение для квалификации приобретает определение оснований возникновения и прекращения права собственности, а также моментов поступления данного имущества в собственность или владение соответствующего лица и его выбытия.

Признаками изъятия чужого имущества при его хищении являются противоправность и безвозмездность.

Противоправность изъятия, прежде всего, означает, что оно осуществляется способом, прямо запрещенным уголовным законом (объективная противоправность), при отсутствии которого содеянное может квалифицироваться по иным статьям УК или вовсе не составлять преступления. Так, не является хищением завладение чужим имуществом при дозволении закона, например в случаях крайней необходимости, исполнения приказа или наличия других обстоятельств, исключающих противоправность содеянного.

Далее, противоправность заключается в отсутствии у виновного какого-либо права на изымаемое имущество (субъективная противоправность). Когда же такое право есть (например, собственник изымает свое имущество у другого лица), когда имеются фактические основания для получения имущества, а нарушается лишь установленный порядок осуществления этого права, такие действия могут быть расценены как самоуправство.¹¹⁵

Наконец, противоправность хищения состоит в нарушении свободы собственника или титульного владельца распоряжаться находящимся у них имуществом, ибо его изъятие осуществляется помимо или против их воли. Отсюда следует, что не является хищением завладение чужим имуществом с согласия его собственника. Однако противоправным будет изъятие имущества не только у ребенка, душевнобольного, а также у иного не способного выразить свою волю лица, но и у лица, выразившего свое «согласие» на изменение отношения к имуществу под влиянием обмана или насилия, коль скоро такое согласие не имеет ничего общего с подлинной волей потерпевшего.

Безвозмездность изъятия наличествует в тех случаях, когда оно производится без соразмерного возмещения стоимости изымаемого деньгами (т. е. бесплатно) либо без предоставления эквивалента в виде труда, равноценного имуществу, а также с символическим либо неадекватным возмещением.

Стало быть, получение денежных средств, хотя и по фиктивным или неправильно оформленным документам, но за фактически выполненную работу, не является хищением, поскольку незаконное завладение имуществом не связано в данном случае с причинением имущественного ущерба, тем более, что виновный компенсирует его трудовыми затратами.

Но если оплата труда осуществляется не только с учетом его количества и качества, но и включает в себя различные надбавки (за выслугу лет, продолжительность работы в районах Крайнего Севера, классность, ученую степень и т. п.), то умышленное незаконное получение подобных надбавок лицами, не имеющими на них права, квалифицируется не только как подделка или использование поддельного документа, но и как хищение. Однако размер последнего составляет не вся сумма полученных денежных средств, а только та их часть, которая равна надбавке к окладу или разнице между обычной и повышенной заработной платой.

В этом плане не вполне обоснованным представляется вывод Военной коллегии Верховного Суда РФ о том, что не является хищением получение денежного довольствия незаконно назначенным на капитанскую должность прапорщиком Сбитневым, который добросовестно исполнял свои обязанности.¹¹⁶

Не вдаваясь в вопрос, может ли прапорщик российской армии с успехом справляться с должностными обязанностями капитана, заметим лишь, что Военная коллегия почему-то обделила вниманием вопрос о том, а как же быть с денежной суммой, полученной прапорщиком в виде надбавки за капитанское звание. Ведь эта надбавка не зависит напрямую от успешного выполнения должностных обязанностей.¹¹⁷

Об отсутствии признака безвозмездности, исключающем обвинение в хищении, можно говорить, во-первых, при предоставлении соответствующего возмещения в надлежащее время (как правило, одновременно с изъятием или непосредственно после изъятия), а не «задним числом» (скажем, после того, как правоохранительным органам стало известно о факте получения имущества), а во-вторых, при адекватности возмещения. В связи с этим важное значение приобретает определение форм, сроков и эквивалентности предоставляемого возмещения,

¹¹⁵ Новое уголовное право России. Особенная часть. Учебное пособие. М., 1996. С. 129.

¹¹⁶ БВС РФ. 1995. № 4. С. 7–8.

¹¹⁷ Обзор судебной практики военных судов гарнизонов и объединений за 1999 год.

которые устанавливаются на основе анализа конкретных обстоятельств дела, с учетом в необходимых случаях мнения потерпевшего.¹¹⁸

Так, С. – директор коммерческой организации «Кама с утра», занимающийся поставками тонизирующего напитка «Кама» для борьбы с похмельем, получив «предоплату» от торговой фирмы «Рассолия», не смог выполнить к установленному в договоре сроку взятые на себя обязательства, потому что грузовик, перевозивший напиток, сгорел по пути в Москву, что было достоверно установлено следствием. В итоге по заявлению руководства «Рассолии» в отношении С. было возбуждено уголовное дело о мошенничестве. Однако он взял кредит в банке и вернул полученные деньги. Суд учел это и дело прекратил.

Данное решение обосновывается тем, что для признания завладения имуществом хищением это завладение должно характеризоваться как заведомо (с точки зрения берущего кредит) безвозмездное. Поскольку С., получив «предоплату» за товар, затем вернул эти средства, а не сам товар, и не доказано его желание не возвращать полученные средства, то, несмотря на нарушение условий договора, говорить о безвозмездном завладении им чужим имуществом в виде денежных средств не приходится.¹¹⁹

Не столь однозначна оценка ситуаций, в которых происходит частичное возмещение стоимости изъятого. В свое время Верховный Суд СССР указал, что изъятие вверенного имущества путем замены его на менее ценное должно квалифицироваться как хищение «в размере стоимости изъятого имущества».¹²⁰ Верховный Суд РФ остается верен этой позиции, разъясняя, что при установлении размера, в котором совершены мошенничество, присвоение или растрата, надлежит иметь в виду, что хищение имущества *с одновременной заменой* его менее ценным квалифицируется как «хищение в размере стоимости изъятого имущества».¹²¹

Данное положение воспроизводится и в некоторых современных учебных пособиях, вольно или невольно ставя под сомнение позицию законодателя, включившего признак безвозмездности в понятие хищения. На самом же деле при наличии соответствующих доказательств стоимость похищенного должна определяться разницей между реальной стоимостью присвоенного имущества и суммой его компенсации. Таким образом, частичное возмещение стоимости изъятого не исключает состава хищения, но может быть учтено при его квалификации и определении размера причиненного ущерба. Такая возможность, как представляется, во многом зависит от формы возмещения и понимания того, что замену имущества на менее ценное, осуществляемую *одновременно* с его изъятием, не следует путать с *последующим* частичным возмещением ущерба, которое само по себе не свидетельствует об отсутствии умысла на хищение в размере стоимости изъятого.

Материальный ущерб является непременным элементом объективной стороны всех хищений, составы которых сформулированы как материальные, за исключением разбоя.

Существо хищения (как деяния, выражающегося в изъятии имущества) предопределяет, что в содержание наступившего от этого ущерба включаются только реальные имущественные потери, понесенные собственником. Убытки иного характера (например, в виде упущенных доходов от использования имущества) в содержание ущерба от хищения не входят.

При хищении, каким бы способом оно ни было совершено, всегда происходит причинение реального урона собственнику в виде уменьшения объема его наличного имущества и,

¹¹⁸ См., напр.: Практика прокурорского надзора. Сб. документов. М., 1988. С. 224, 315.

¹¹⁹ Яни П. С. Мошенничество и иные преступления против собственности: уголовная ответственность. С. 69.

¹²⁰ Допускаю, что в российской армии найдется прапорщик, который, изготовив диплом кандидата наук, может с таким же успехом, как Сбитнев, исполнять обязанности доцента в высшем военном учебном заведении, ноэтонедает оснований для дополнительных выплат за ученую степень кандидата наук. Ведь за этим не стоит его труд по написанию и защите кандидатской диссертации.

¹²¹ См.: п.25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

соответственно, незаконное обогащение преступника в размере стоимости изъятого имущества. Реальный ущерб на одной стороне и имущественная прибыль – на другой – неперенные признаки деяния, связанные с безвозмездным переходом имущества от собственника к несобственнику.

В сущности, также должен решаться вопрос и относительно убытков, причиняемых субъекту ограниченного вещного права, с той лишь разницей, что уменьшение объема того имущества, которым он владеет, не сказывается на размере имущественного фонда собственника. Отсюда в качестве преступления против собственности может рассматриваться и незаконное безвозмездное перемещение имущества из хозяйственного ведения или оперативного управления одного функционирующего на началах имущественной обособленности юридического лица в ведение или управление другого, хотя и не связанное с нарушением права собственности, но посягающее на вещные права титульного владельца.

Таким образом, с объективной стороны *хищение* представляет собой противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества из фонда собственника, сопряженное с его обращением в пользу виновного или других лиц, причинившим ущерб собственнику, а *приобретение права на чужое имущество* – противоправное безвозмездное изъятие данного имущества из владения субъекта ограниченного вещного права, сопряженное с его обращением в пользу виновного или других лиц, причинившим ущерб владельцу этого имущества.

Материальный характер составов хищения предполагает установление не только факта ущерба, но и правильное исчисление его размера, который определяется общественно значимой ценностью изъятого имущества. Последняя непосредственно определяется его номинальной денежной стоимостью (если речь идет о деньгах как особом товаре, выражающем цену любых других видов имущества) либо стоимостью в денежном выражении, хотя в отдельных случаях могут учитываться и другие показатели, например, историческая или культурная ценность, которая, впрочем, также имеет свой денежный эквивалент.

Несмотря на то, что УК не ограничивает ответственность за хищение каким-либо пределом, сопоставление его с КоАП позволяет заключить, что суммой, минимально необходимой для уголовной ответственности за кражу, мошенничество, присвоение и растрату, является 100 рублей.¹²² На квалифицированные виды указанных хищений, а также на грабеж и разбой этот критерий не распространяется.

Значение действительной стоимости похищенного объясняется также необходимостью установления степени общественной опасности криминального хищения. Чем больше стоимость изъятого имущества, выраженная в денежной сумме, чем больший материальный ущерб причиняется, тем выше степень опасности совершенного преступления. Во многих составах хищений это обстоятельство приобретает квалификационное значение в силу того, что размер причиненного материального ущерба предусмотрен в качестве квалифицирующего и особо квалифицирующего признака.

В связи с этим хищения подразделяются на: мелкое (ст. 7.27 КоАП), в значительных размерах или причинившее значительный ущерб гражданину (ч. 2 ст. 158–160 УК), крупное (ч. 3 ст. 158–160, п. «д» ч. 2 ст. 161, ч. 3 ст. 162), особо крупное (ч. 4 ст. 158–160, п. «б» ч. 3 ст. 161) и хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК). Что касается разбоя, то по причине усеченности его состава речь идет не о реальном, а о потенциальном причинении материального ущерба, в силу чего выделяется разбой, совершенный в целях завладения имуществом в особо крупном размере (п. «б» ч. 3 ст. 162 УК).

Вменение материального ущерба от хищения предполагает установление *причинной связи* между изъятием имущества и наступившими вредными последствиями – образованием

¹²² Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. (в ред. постановления от 27 ноября 1981 г.) «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» (ВС СССР. 1982. № 1. С. 12).

имущественной недостачи в фондах собственника, за счет которой и происходит приращение фонда расхитителя. Для того чтобы вменить хищение, необходимо установить, что эта недостача является следствием именно изъятия имущества, имея в виду, что не всякая утрата материальных ценностей является следствием их изъятия.

Способы изъятия исчерпывающим образом определены в УК: кража, мошенничество, присвоение, растрата, грабеж, разбой (ст. 158–162). Только этими способами может быть совершено и хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164).

К *средствам* совершения хищений можно отнести различного рода документы, специальную одежду, маски, приспособления, облегчающие совершение преступления, и т. д. Такими могут быть фальшивые бланки, необходимые для мошеннического обмана, снотворное для усыпления жертвы, лестница для проникновения в хранилище, транспортные средства, необходимые для вывоза похищенного, и многое другое.

К *орудиям* совершения хищений относятся любые предметы, которые используются для непосредственного осуществления задуманного преступления: оружие, предметы, используемые в качестве оружия, отмычки и прочие орудия взлома, яды и др.

От объективной стороны состава преступления зависит *момент окончания преступления*.

Сопряженность изъятия чужого имущества с обращением последнего в пользу виновного или других лиц предопределяет и логику определения момента окончания хищения. Если признаком объективной стороны хищения является причинение ущерба собственнику или иному владельцу имущества, оно считается оконченным с момента изъятия имущества и получения виновным реальной возможности пользоваться или распоряжаться им по своему усмотрению.¹²³

Вопрос о том, с какого момента у похитителя появляется реальная возможность пользоваться или распоряжаться изъятим имуществом, – вопрос факта, решаемый с учетом обстоятельств конкретного дела. Вот несколько примеров, иллюстрирующих ошибки в его решении.

Е. признан виновным в том, что открыто завладел норковой шапкой Д., сорвав ее с головы потерпевшей, и осужден за грабеж. Между тем по делу установлено, что Е., сорвав с головы Д. шапку, стал убегать. Однако потерпевшая и проходивший мимо мужчина тут же догнали его, и Е. вынужден был выбросить шапку, которая возвращена потерпевшей.

Таким образом, умысел виновного на завладение чужим имуществом не был доведен до конца по не зависящим от его воли обстоятельствам. При таком положении содеянное содержит состав неоконченного преступления, и его надлежит квалифицировать как покушение на грабеж. Стало быть, если лицо после грабежа сразу было задержано и не имело возможности распорядиться имуществом, преступление не может быть признано оконченным.¹²⁴

По другому делу кассационная инстанция, переqualифицировав действия Скосырева, осужденного за окончательное хищение, на покушение, указала, что в момент завладения деньгами в магазине он был замечен гражданами, которые задержали его при выходе из магазина. Следовательно, Скосырев не мог реально распорядиться изъатыми в магазине деньгами.¹²⁵

Более определенные критерии на этот счет выработаны в отношении хищений с охраняемых объектов и территорий (складов, баз, предприятий), связанных с системой проходных, пропусков и т. п. Решение вопроса о моменте окончания хищения в данном случае зависит от характера изымаемого имущества и намерений виновного. Если предмет таков, что им

¹²³ См.: ст. 7.27 КоАП вред. Федерального закона от 22 июня 2007 г. «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части изменения способа выражения денежного взыскания, налагаемого за административное правонарушение» (СЗ РФ. 2007. № 26. Ст. 3089).

¹²⁴ БВС РФ. 1996. № 5.

¹²⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по рассмотрению уголовных дел в кассационном и надзорном порядке в 1993 году.

можно распорядиться (в частности, употребить) без выноса с территории, и виновный имел такое намерение, то хищение считается окончанным с момента завладения этим предметом и появления возможности распорядиться им на месте; в остальных случаях – с момента выноса имущества за пределы охраняемой территории.

Так, работник торгового морского порта, похитивший в расположенном на его территории магазине пальто и задержанный на территории порта, был осужден за окончательное хищение, поскольку предмет преступления не являлся имуществом порта, охраняемым соответствующей службой, и виновный имел реальную возможность распорядиться им как на территории порта, так и вне ее по своему усмотрению.

Группа работников тепличного комбината похитила со склада товарной продукции 23 ящика огурцов и, погрузив их на автомашину, пыталась вывезти с территории, но была задержана на проходной. Верховный Суд признал неправильной квалификацию этого преступления как окончательного хищения и переклассифицировал его на покушение на кражу, поскольку виновные не имели реальной возможности распорядиться данным имуществом по своему усмотрению.

Изъятие из склада и погрузка в автомашину на охраняемой территории предприятия нескольких десятков ящиков с минеральной водой или нескольких бидонов с молоком не признаны окончательной кражей, а изъятие из цеха бидона спирта и сокрытие его на охраняемой территории с целью потребления признаны окончательным преступлением.

Действия лица, задержанного в проходной мясокомбината с мясом, квалифицированы как покушение на преступление, тогда как содеянное лицом, задержанным за пределами овощной базы с картофелем, оценено в качестве окончательной кражи.

Следовательно, хищение не может считаться окончательным, пока имущество не вынесено с территории охраняемого объекта, даже если оно было изъято из места его постоянного хранения, обособлено и подготовлено для последующего выноса. Более того, в одном из постановлений Верховного Суда по конкретному делу даже перебрасывание похищаемого имущества через забор соучастнику, который тут же был задержан, также расценено как неоконченное хищение, поскольку виновные не получили возможности распорядиться данным имуществом.

Такое решение вопроса о моменте окончания хищений имеет немаловажное значение и для ответственности лиц, осуществляющих охрану объекта, с которого совершается хищение. Ведь если таковое считать окончательным в тот момент, когда имущество изъято из места его постоянного хранения (например, из цеха, склада) и погружено в машину, спрятано в одежде или иным образом подготовлено к вывозу (выносу) за пределы охраняемой территории в целом, то последующий сговор с работником охраны не позволяет считать последнего соучастником хищения, ибо нельзя принять участия в том, что уже завершилось. В действительности хищение еще продолжается, и работник охраны успевает принять участие в нем. Поэтому действия лица, задержанного с похищаемым имуществом на проходной, должны квалифицироваться как покушение на хищение, а действия работника охраны, умышленно содействовавшего в выносе имущества или иным способом устраняющего препятствия для хищения, – как соучастие в хищении.¹²⁶

В зависимости от этого определяются и временные пределы добровольного отказа от доведения хищения до конца. Лицо, изъявшее имущество и спрятавшее его на охраняемой территории с целью последующего выноса или вывоза, не подлежит уголовной ответственности на основании ст. 31 УК, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца и возвратило имущество.

¹²⁶ См.: п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. (БВС СССР. 1972. № 4); п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

Необходимость обретения виновным реальной возможности по своему усмотрению пользоваться и распоряжаться имуществом, которым он завладел, важна для признания оконченными и хищений, совершаемых из жилищ, помещений либо иных хранилищ. Вот несколько примеров, иллюстрирующих позицию судов по этому вопросу.

По делу Б., осужденного за оконченную кражу, Верховный Суд признал правильной пере-квалификацию его действий на покушение на кражу, поскольку виновный, отжав с помощью «фомки» дверь, выбил ее ногой и проник в квартиру, из которой попытался изъять имущество, но распорядиться им не успел, поскольку был задержан сотрудниками милиции при выходе из квартиры.

Задержание лица сразу же за воротами дома с изъятим имуществом до получения им возможности распорядиться этим имуществом также было признано покушением на совершение кражи.

Ж. был признан виновным в совершении тайного хищения из секции универсама «Детский мир» и осужден за кражу. В протесте был поставлен вопрос о переквалификации его действий на покушение на кражу, так как из материалов дела видно, что Ж. вышел из секции универсама с похищенным и был задержан сотрудниками милиции на четвертом этаже у лестницы. Следовательно, хотя Ж. и завладел чужим имуществом, реальной возможности распорядиться им у него не было. Он не осознавал того, что в момент совершения преступления за его действиями наблюдал сотрудник милиции, проконтролировавший его поведение вплоть до момента задержания. За пределы здания универсама Ж. не вышел, даже не покинул 4-го этажа, где расположена секция, в которой он совершил преступление. Он был задержан практически сразу после выхода из нее, в связи с чем предпринять какие-либо действия, направленные на реализацию изъятых, он не мог. При таких обстоятельствах действия Ж. подлежат квалификации как покушение на совершение тайного хищения (кражи), поскольку они были непосредственно направлены на совершение преступления, которое не было доведено до конца по причинам, не зависящим от его воли (задержание сотрудниками милиции).¹²⁷

Итак, отсутствие у субъекта реальной возможности распоряжаться или пользоваться изъятим имуществом исключает состав оконченного хищения. В подобных случаях содеянное надлежит квалифицировать как покушение на хищение.

Фактическое пользование и распоряжение похищенным лежит за пределами состава хищения и дополнительной квалификации не требует. Уголовно-правовой оценке подлежат лишь совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными лицом в результате совершения им хищения (ст. 174¹),¹²⁸ а также действия прикосновенных к хищению лиц, которые участвуют в легализации (отмывании) имущества, похищенного другими лицами (ст. 174), либо приобретают или сбывают заведомо похищенные предметы (ст. 175 УК). При этом в случаях, когда приобретение указанных предметов было связано с подстрекательством к хищению, действия виновных подлежат квалификации как соучастие в этом преступлении. Равным образом следует квалифицировать заранее обещанное приобретение или реализацию похищенного, а также систематическое приобретение от одного и того же расхитителя похищенного имущества лицом, сознававшим, что это дает возможность расхитителю рассчитывать на содействие в сбыте данного имущества.¹²⁹

¹²⁷ БВС РСФСР. 1983. № 10. С. 13–14.

¹²⁸ Там же. 1975. № 4. С. 4–5.

¹²⁹ Пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» (БВС СССР. 1972. № 4); см. также: БВС РСФСР. 1987. № 8. С. 4; 1988. № 3. С. 2–3; 1990. № 6. С. 15.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.